НА ЛИНИИ ФРОНТА

ПРАВДА О ВОЙНЕ

Мирослав Морозов, Александр Свисюк,
Виктор Иващенко

ПОДВОДНИК № 1 АЛЕКСАНДР МАРИНЕСКО

ДОКУМЕНТАЛЬНЫЙ ПОРТРЕТ

1941—1945

Александр Григорьевич Свисюк
Мирослав Эдуардович Морозов
Виктор Николаевич Иващенко

Подводник №1 Александр Маринеско. Документальный портрет. 1941–1945

Серия «На линии фронта. Правда о войне»

Текст книги предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9827140
Подводник №1 Александр Маринеско. Документальный портрет: Центрполиграф; Москва; 2015
ISBN 978-5-227-05709-9

Аннотация

В 1945 г. в течение одного боевого похода на подводной лодке Балтийского флота С-13 капитан 3-го ранга Александр Маринеско торпедировал и потопил два океанских лайнера, на которых погибло более 8 тысяч немцев. Одним из судов являлось второе по величине судно германского пассажирского флота «Вильгельм Густлоф». Несмотря на всю значимость данного факта, который многие считают подвигом, Маринеско не был при жизни удостоен звания Героя Советского Союза, хотя такое представление и было подготовлено его непосредственным начальством. Высокое звание было присвоено лишь в 1990 г., после многочисленных обращений общественных и ветеранских организаций, спустя почти тридцать лет после смерти самого подводника.

Несмотря на восстановление исторической справедливости, интерес к имени А. И. Маринеско не угас и в наше время. Почему ему не было присвоено звание Героя Советского Союза в 1945 г.? Действительно ли он был развратником и пьяницей или все это наговоры завистников? Подвигом или военным преступлением было потопление лайнеров, на борту которых находилось множество беженцев? Можно ли назвать потопление лайнера «Вильгельм Густлоф» событием, встряхнувшим гитлеровский рейх до основания? На эти и другие вопросы попытались ответить авторы книги, используя исключительно документальную основу: труд включает в себя около 150 архивных документов, подавляющее большинство которых публикуется впервые, поскольку до недавнего времени находилось на секретном хранении.

Работа рассчитана не только на специалистов, но и на широкие круги общественности, которые интересуются судьбой А. И. Маринеско, правдой об этой весьма неоднозначной фигуре, которую многие считают народным героем.

Содержание

Предисловие 5
Загадка Александра Маринеско: Мнение авторов 7
Глава 1 45
Документ № 1.1 45
Документ № 1.2 48
Документ № 1.3 50
Документ № 1.4 51
Документ № 1.5 52
Документ № 1.6 53
Документ № 1.7 54
Документ № 1.8 55
Документ № 1.9 56
Документ № 1.10 57
Документ № 1.11 58
Документ № 1.12 59
Документ № 1.13 60
Документ № 1.14 61
Документ № 1.15 62
Документ № 1.16 63
Документ № 1.17 65
Документ № 1.18 66
Документ № 1.19 67
Документ № 1.20 69
Документ № 1.21 70
Документ № 1.22 71
Документ № 1.23 72
Документ № 1.24 73
Конец ознакомительного фрагмента. 74

Мирослав Эдуардович Морозов, Александр Григорьевич Свисюк, Виктор Николаевич Иващенко Подводник № 1 Александр Маринеско *Документальный портрет*

Посвящается 100-летию со дня рождения А. И. Маринеско

В газете «Красный Черноморец» в одной из статей было сказано, что на крейсер «Коминтерн» было сброшено больше 1000 бомб, в другой статье той же газеты, помещенной на 2 дня позже, уже говорилось «около 2000 бомб», и оба эти сообщения были неверными.

Вранье и ложь в пропаганде, агитации и печати дискредитируют партийно-политическую работу, флотскую печать и наносят исключительный вред делу большевистского воспитания масс.
Из директивы заместителя наркома ВМФ СССР и начальника Главного политического управления ВМФ армейского комиссара 2-го ранга И. В. Рогова

Предисловие

2013 год был ознаменован целым рядом круглых военно-исторических дат. Не остались незамеченными среди них 100-летие со дня рождения и 50-летие со дня смерти Александра Ивановича Маринеско – фигуры поистине легендарной, за которой уже давно закрепился титул «подводника № 1» отечественного ВМФ.

Любовь и вера, как правило, не имеют четко выраженных причин и объяснений – они в них просто не нуждаются. Обратной стороной этого нелогичного, но весьма распространенного подхода является создание образа предмета поклонения. Традиционно такой образ вмещает большую часть палитры человеческих добродетелей, а недостатки, если они вообще есть, представляются весьма несущественными, и их показ, как правило, преследует лишь цель очеловечить созданный образ.

При всей распространенности подобного алгоритма создания портретов народных героев, он содержит один существенный недостаток: такой образ не выдерживает столкновения с действительностью. Ведь публикация небольшой подборки или даже одного реального документа о человеке может в корне перевернуть представление общества о нем. После такого нередко возникают вопросы: кто, когда, а главное, зачем «произвел» данного субъекта в герои?

Из вышеизложенного можно вынести лишь один урок: героем следует признавать только того, о ком известно достаточно много, и не только по устным рассказам, но и из документов, того, кто в самом деле, а не по легендам совершал поступки достойные подражания и не совершал достойных осуждения. Только такой подход может уберечь общество, и в особенности наше подрастающее поколение, от негативного резонанса, который неизбежно возникает после каждого развенчания кумира. Альтернативный подход – сокрытие и искажение правды, – какими благими намерениями они бы ни объяснялись, в век информационных технологий не решает, а лишь оттягивает решение проблемы, не говоря уже о том, что в контексте военно-патриотического воспитания он безнравствен и потому совершенно недопустим.

Именно с целью восстановления исторической правды о легендарном человеке и был задуман настоящий сборник. Он содержит 144 документа, освещающих боевой и жизненный путь А. И. Маринеско, а также борьбу за посмертное присвоение ему звания Героя Советского Союза. Помимо этого на основе представленных материалов, большинство из которых публикуется впервые, авторы-составители попытались на частном примере воссоздать картину того, как жил и воевал советский подводный флот накануне и в годы Великой Отечественной войны. Мы не переоцениваем результаты своего труда и понимаем некоторую однобокость подобного подхода – недаром существует выражение «сухой язык документов», но все же считаем его лучшим из возможных.

Авторы выражают надежду, что настоящий сборник вызовет живой интерес и окажется полезным не только для профессиональных историков, но и для офицеров и матросов российского ВМФ, ветеранов и всех тех, кто интересуется историей отечественного флота в 30-40-х гг. минувшего века.

Документы в сборнике располагаются в проблемно-хронологическом порядке. Документы о боевых походах приводятся в следующей последовательности: боевое донесение командира подводной лодки (А. И. Маринеско), заключения вышестоящих начальников (в случае их отсутствия – выписки из отчетов о действиях эшелонов подводных лодок), выписки из квартальных отчетов бригад подлодок и заключения штаба КБФ по ним, различные документы, иллюстрирующие боевые столкновения, имевшие место в течение похода,

документы противника по этим столкновениям, политдокументы о походе, представления к наградам по результатам похода.

Археографическая обработка выполнена в соответствии с общими требованиями, предъявляемыми к изданиям военно-исторических документов. В текстах документов сохранены все стилистические особенности, сокращенные названия и условные обозначения должностей, учреждений, войсковых частей, а также терминов, присущих военно-морской специфике. Грамматические ошибки, имеющиеся в ряде документов, исправлены без дополнительных оговорок. В научно-справочный аппарат сборника включены: предисловие, примечания по тексту в подстрочнике, приложения и список сокращений.

Авторы-составители сборника выражают искреннюю признательность за помощь в работе В. В. Абатурову, И. В. Борисенко, О. А. Балашову, В. И. Жуматию, А. Я. Кузнецову, Р. В. Кузнецовой, К. Л. Кулагину, С. А. Липатову, В. Д. Овчинникову, А. Н. Одайнику, О. Н. Ольховатскому, В. В. Павловскому, С. В. Патянину, П. В. Петрову, И. В. Щетину.

Загадка Александра Маринеско: Мнение авторов

В этом материале мы попытаемся максимально объективно, отбросив все то, что сейчас говорят и пишут об А. И. Маринеско, нарисовать образ народного героя таким, каким он нам представляется из документов. При этом мы в своей реконструкции, не претендующей никоим образом на истину в последней инстанции, исходили из той очевидной мысли, что героями не рождаются, а становятся в силу особенностей характера и воспитания, а также возникновения определенных обстоятельств, требующих героических поступков. А значит, для изучения феномена героизма и получения максимально объективного результата не может быть никаких запретных тем и заведомо недопустимых гипотез. Тем, кто считает, что авторам негоже навязывать свое мнение до ознакомления с материалом, рекомендуем пропустить данную часть и вернуться к ней позже, после ознакомления с документами.

Детство и юность А. И. Маринеско не дают оснований выделить его из десятков или даже сотен тысяч молодых людей, родившихся и выросших в приморских городах и являвшихся естественной средой пополнения кадров торгового и военного флотов. По признанию самого Александра Ивановича, «революционные традиции» его семьи, да и сама атмосфера южного портового города заставляла будущего «подводника № 1» отдавать предпочтение службе на торговых, а не военных судах. Таким образом, выбор в качестве учебного заведения Морского техникума Одессы представляется вполне закономерным. Призыв Маринеско на обязательную для всех трудящихся военную службу совпал с развертыванием в СССР массового строительства подводных лодок. Поэтому нет ничего удивительного и в том, что 20-летний молодой человек с техникумом за плечами был поставлен в строй не рядовым краснофлотцем или красноармейцем, а зачислен для обучения на Специальные классы командного состава ВМС РККА. Решение это было принято не добровольно, а, как указал в автобиографии сам Александр Иванович, «по мобилизации ЦК ВКП(б)».

По свидетельству писателя А. Крона, близко общавшегося с Маринеско, некоторые аспекты начавшейся военной службы сильно тяготили будущего героя[1]. Не изменилось их восприятие и впоследствии, даже несмотря на то, что Александр Иванович стал командиром военного корабля и теперь сам должен был требовать соблюдения дисциплины подчиненными как в море, так и на берегу. О своем отношении к воинскому порядку довольно откровенно, а значит, с осознанием собственной правоты, он говорил писателю в начале 60-х гг. Не эти ли мотивы и черты характера обусловили поведение Маринеско в промежутках между боевыми походами в годы войны и, в особенности, в период базирования на порты Финляндии в 1944–1945 гг.? Впрочем, не станем забегать вперед, хотя это признание представляется весьма важным для раскрытия логики последующих событий.

Уже через год после призыва Маринеско стал командиром штурманского сектора средней подводной лодки, хотя выпускники единственного в то время Военно-морского училища имени Фрунзе по окончании 4-летнего срока обучения, как правило, назначались на нижестоящую ступень – командирами групп. Объяснялось это жестоким кадровым голодом, кото-

[1] «Легче всего изобразить противоречия, обуревавшие в то время слушателя спецкурсов Маринеско, как столкновение еще не утраченных «нравов одесской вольницы» с разумной воинской дисциплиной. Но это было бы ошибкой… Угнетало его другое. Возвратившись из плавания и ступивши ногой на твердую землю, торговый моряк обретает свободу. Он уже не подчинен своему капитану и волен в своих поступках. В своем неприятии казарменного быта Александр Иванович был не одинок. Среди его товарищей по курсу были люди, не менее остро переживавшие изменение привычных мерок. Будь они обычными призывниками, им было бы проще освоиться, но, несмотря на свою относительную молодость, они уже хлебнули другой жизни, ничуть не более легкой и даже более ответственной, но другой.Через четверть века Александр Иванович записывает в тетрадку: «Учеба на курсах первое время шла у нас плохо. Военная служба многих не устраивала, больше всего не любили мы строевые занятия и всякое, даже на короткое расстояние, передвижение строем. Многие у нас стали нарочно плохо учиться в надежде, что их отчислят…» (*Крон А.* Капитан дальнего плавания. М., 1990. С. 73–74).

рый испытывал подводный флот РККФ с началом массового вступления в строй серийных субмарин советской постройки. Первый период службы на военном флоте – трехлетнее пребывание штурманом подлодки Щ-306 – раскрывается в выявленных документах довольно слабо. А ведь этот период очень важен для формирования любого офицера. Первый командир, под началом которого служил Маринеско, Н. С. Подгородецкий, отмечал недостаточную дисциплинированность своего подчиненного (док. № 1.7), но второй, А. А. Косенко, составил вполне ординарную характеристику (док. № 1.8). Стал ли Маринеско иначе относиться к службе, или все дело в том, что Косенко исполнял обязанности спустя рукава и у него самого были проблемы с дисциплиной и алкоголем, из-за чего в разгар войны он попал в штрафное подразделение?

В конце 1937 г. Маринеско был направлен на годичное обучение в Учебный отряд подводного плавания. Отряд готовил на должность помощника командира подлодки, но успешно справлявшиеся с должностями старпомов, как правило, через год или даже более становились командирами без какого-либо дополнительного обучения. Александр Иванович был назначен помощником командира на Л-1 в ноябре 38-го, а уже в мае 39-го стал командиром М-96. Причиной столь скорого выдвижения послужили не какие-то особые успехи в боевой подготовке (практически вся служба на Л-1 совпала с периодом зимнего ледостава, когда подлодки в море не выходили), а все тот же кадровый голод. Достаточно отметить такой факт: летом того же 1939 г. командирами «малюток» 3-й бригады ПЛ КБФ были назначены сразу пять лейтенантов училищного выпуска 1937 г.! По сравнению с ними Маринеско выглядел явным переростком. Несомненно, что помимо развертывания массового строительства новых кораблей причиной «голода» являлись и репрессии 1937–1938 гг. Жертвой «перегибов на местах» чуть было не стал сам Александр Иванович, но его вынужденное расставание с флотом длилось всего 19 дней и вряд ли могло всерьез отразиться на характере и привычках. По крайней мере, в последующих событиях он явно не производил впечатления робкого и подавленного офицера.

Следующим достойным внимания штрихом биографии, безусловно, стало награждение золотыми часами за отличные торпедные стрельбы в 1940 г. Еще бы, сам нарком ВМФ адмирал Н. Г. Кузнецов – личность сама по себе для наших моряков легендарная – отметил молодого подводника ценным подарком. Однако, если обратиться к документу № 1.33, становится понятно, что награждение осуществлялось по разнарядке – по одному командиру субмарины от каждого флота. Выйти же в число лучших Маринеско помогло то, что новейшая М-96 занималась отработкой задач БП в течение всей кампании 1940 г., в то время как большинство подлодок КБФ более ранней постройки после окончания войны с Финляндией требовали более или менее серьезного ремонта. Это же обстоятельство, кстати, объясняет и нахождение М-96 в 1-й линии (одна из двух перволинейных лодок Балтфлота!) на момент начала Великой Отечественной войны – остальные подводные корабли не успели сдать вступительные задачи либо по выходе из ремонта, либо после смены командиров в конце 1940 г. Кстати, из пяти подлодок 26-го дивизиона в конце 1940 г. своих командиров сменили три, при этом все трое ушли на повышение – стали командирами средних «щук» и «эсок». Маринеско, согласно аттестации, тоже был достоин назначения командиром субмарины типа «С», но его все-таки не повысили. Стремились задержать на бригаде как лучшего или нашлись кандидаты достойней его?

Сама же отработка торпедных стрельб, благодаря которой Александр Иванович и выдвинулся в отличники, на наш взгляд, была далека от идеала: в течение 1940 г. пять подлодок 26-го ДПЛ выполнили 93 торпедных стрельбы, в том числе 79 «воздухом» (т. е. без фактического выпуска торпед) и 14 практическими торпедами. При этом план считался выполненным на 100%. Согласно документам, М-96 отработала его на 135% (более подробные данные найти не удалось), что в абсолютном выражении должно было составить примерно

25 торпедных атак, в том числе три-четыре практическими торпедами. Следует подчеркнуть, что сюда входили не только пуски по кораблям-целям, но и прострелка торпедных аппаратов практическими торпедами после ремонтов или монтажа системы беспузырной стрельбы. Вряд ли такое количество можно назвать впечатляющим, а ведь никакой другой возможности попрактиковаться в торпедной стрельбе у экипажа М-96 не было ни до, ни после 1940 г. А потому неудивительно, что в своей первой реальной атаке в 1942 г., произведенной в действительно сложных условиях боевой обстановки, Александр Иванович в цель не попал.

К этому же периоду службы относятся первые «легенды о Маринеско». Вот одна из них в изложении довольно известного питерского публициста: *«Маринеско переделывал «под себя» и железо лодки. Александр Крон пишет, что Маринеско обкорнал заборные патрубки цистерн главного балласта так, что лодка погружалась много быстрее, чем предусмотрено проектом. В нетвердых руках такое «конструктивное улучшение» привело бы к проваливанию лодки на глубину и к гибели. В руках команды Маринеско это изменение не раз спасало моряков «С-13» от немецких бомб и торпед».* Что же тут правда, а что ложь? Если не заострять внимание на технической безграмотности писавшего – цистерны заполняются не через мифические патрубки, а через кингстонные решетки, – приходится констатировать, что ничего о конструктивных переделках на субмаринах, которыми командовал наш герой, А. Крон никогда не писал. В его книге есть фрагмент прямой записи речи А. И. Маринеско (с. 88), где тот утверждал, что в дозорном патрулировании накануне войны при отработке срочных погружений М-96 удавалось погрузиться за 17 секунд. Сам по себе показатель весьма высокий, но он нигде не задокументирован[2], как и конструктивные изменения в системе погружения и всплытия «малютки». Тем более нет никаких документов о технических переделках на С-13, которой Александр Иванович командовал с апреля 1943 г., а они не могли быть осуществлены без ведома командования, техотдела флота и проведения доковых работ.

А вот что не является выдумкой, так это тот факт, что именно на этот период жизни А. И. Маринеско приходятся первые упоминания о серьезных дисциплинарных проступках. Сложно поверить, что случай, имевший место в Таллине 29 мая 1941 г. (см. док. № 2.3) и приведший к срыву выхода «малютки» на мерную милю, был первым и единственным в своем роде – слишком уж большой размах для первого раза имел тот загул. Неизвестно, чем могло кончиться разбирательство по партийной линии, но начавшаяся война моментально вывела дело Маринеско из фокуса внимания парткомиссии.

В боевых действиях М-96 на первых порах оказалась в стороне от главных событий, и в этом отчасти был виноват сам командир – произошедшая днем 22 июня по вине личного состава авария лодочного дизеля (док. № 2.5) заставила поставить корабль в аварийный ремонт, а после его окончания отправить «перволинейный» экипаж на боевую подготовку в Лужскую губу. В 20-х числах июля состоялся боевой поход в Рижский залив, который в связи с отсутствием там сколько-нибудь значимого судоходства противника и неудачной нарезки позиции не принес желаемых результатов. За этим последовали новая авария, на этот раз из-за неудачной конструкции разобщительной муфты дизеля, и возвращение на ремонт в Ленинград. Он как раз завершался, когда в конце августа 41-го возникло решение об отправке двух балтийских «малюток» на Каспий для выполнения функций учебных кораблей при эвакуированном в Махачкалу Учебном отряде подводного плавания имени С.

[2] В РГА ВМФ удалось найти лишь один документ (Ф. р-918. Оп. 1. Д. 60. Л. 17), в котором указывается время погружения М-96. Это «Заключительный протокол официальных приемо-сдаточных испытаний ПЛ М-96 (зав. № 9685) постройки завода № 112 от 16 октября 1939 г. Раздел «Погружение и всплытие», пункт а), порядковый номер 3)«…Время погружения с момента открытия кингстонов и клапанов вентиляции всех балластных цистерн (с заранее заполненной цистерной быстрого погружения) до момента ухода топа перископа в воду (в сек.):– задано по спецификации – около 50– получено при испытаниях – 42– данные по М-97 (головная ПЛ проекта. – *Сост.*) – 42…»Вероятно, за 17 секунд М-96 погружалась из позиционного, а не из крейсерского положения, но вряд ли этот показатель существенно отличался от других однотипных кораблей.

М. Кирова. М-96 была определена в качестве одной из них, и неизвестно, как сложилась бы судьба будущего «подводника № 1», если бы не начавшаяся блокада Ленинграда, не позволившая вывезти корабль.

С этим периодом связан еще один весьма неоднозначный эпизод карьеры Маринеско. Сложная обстановка и большие потери в начале войны отразились на политико-моральном состоянии подводников. Звучали пораженческие высказывания и открытая критика действий командования. Зачастую все это происходило после обильных возлияний. Ситуацию усугубил конфликт между командиром бригады ПЛ Героем Советского Союза Н. П. Египко и командующим флотом вице-адмиралом В. Ф. Трибуцем, который поспешил отправить на соединение комиссию Политуправления КБФ (док. № 2.12). Всего в результате чистки в сентябре-октябре 1941 г. суду было предано восемь офицеров и политработников БПЛ, из которых четверо были приговорены к высшей мере наказания. 23 подводника из числа принадлежавших к командному и политическому составу соединения были привлечены к партийной ответственности, причем 10 исключены из рядов ВКП(б). В число снятых вошли и оба начальника Маринеско: был предан суду военком дивизиона «малюток» А. Г. Дымский, двумя месяцами позже был снят с должности комдив Н. К. Мохов. Особенно драматической представляется судьба командира Щ-307 Н. И. Петрова, которого с точки зрения знаний сегодняшнего дня можно уверенно назвать первооткрывателем боевого счета не только подводников КБФ, но и вообще всех советских подводников в Великой Отечественной войне (10 августа 1941 г. потопил немецкую субмарину U-144). За злоупотребление алкоголем и высказывание пораженческих настроений в октябре 1941 г. он был приговорен к 10 годам лагерей (док. № 2.15) и умер в заключении, не пережив первой блокадной зимы в питерских Крестах. Причем осуждению не помешало ни представление к правительственной награде, ни ходатайство командования бригады (док. № 2.14). Зачем мы заострили внимание на этом случае? Для того чтобы читателю было с чем сравнить последующие решения командования в отношении Маринеско, которые многие современные адепты народного героя называют «беспрецедентно жестокими», «издевательскими» и «несправедливыми». На наш взгляд, такие оценки свидетельствуют лишь о недостаточном знании реалий той весьма непростой эпохи.

Возвращаясь к событиям осени-зимы 1941 г., можно с удивлением отметить, что, несмотря на неоднократные упоминания Маринеско в числе нарушителей воинской дисциплины (док. № 2.12, 2.16, 3.1), сам он отделался всего лишь исключением из числа кандидатов в ВКП(б) – мерой, несомненно, достаточно мягкой в сравнении с существовавшей тогда практикой. Но сама формулировка, по которой происходило исключение, на наш взгляд, весьма примечательна и говорит о многом: *«За систематическую пьянку, за развал дисциплины, за отсутствие воспитательной работы среди личного состава, за неискреннее признание своих ошибок».* Тем не менее звание и должность Александра Ивановича никак не изменились, не говоря уже о предании суду. С удивлением можно отметить, что, несмотря на отсутствие боевых успехов и низкие показатели в дисциплине, Маринеско по-прежнему оставался на хорошем счету у командования и политорганов. Иначе сложно объяснить тот факт, что во всех «разгромных» документах конца 1941 г. – начала 1942 г. его имя встречается лишь мимоходом и нет ни одного документа, посвященного персонально ему. Дело дошло до того, что в весьма пространном докладе о партийной работе за 1941 г., содержащем подробные данные о мерах партийного воздействия на каждого командира и политработника БИЛ, факт исключения Маринеско из кандидатов даже не упоминался. Все это плохо вяжется с образом бунтаря против штабной некомпетентности и комиссарского произвола, каким его пытаются представить в современных публикациях и произведениях массмедиа. Если бы он на самом деле был таким, то его карьера, скорее всего, закончилась в том же 1941 г., а судьба мало отличалась бы от судьбы Н. И. Петрова. Напротив, позже на конкретных примерах мы

покажем, что при разборе дисциплинарных проступков Маринеско охотно признавал свою вину, обещал исправиться, но это никак не влияло на его дальнейшее поведение. Представляется, что именно показная лояльность по отношению к руководству позволила ему сохраниться в качестве командира подлодки до того момента, как он добился реальных достижений и обрел заслуженную известность.

Первым шагом на пути к этому стал августовский 1942 г. поход М-96 на позицию между Таллином и Хельсинки. И хотя Маринеско не удалось подкрепить декларируемый успех фактическим потоплением (док. № 3.10), этот поход представляется наиболее сложным и опасным за всю карьеру героя. Послевоенный анализ показал, что субмарина форсировала 39 линий мин и однажды даже коснулась минрепа, но благодаря правильным действиям командира избежала встречи с миной. Особенно примечательным это достижение становится, если принять во внимание, что однотипные М-95 и М-97, ходившие этим же маршрутом до и после «96-й», в базу так и не вернулись…

Весьма важное значение лично для Александра Ивановича имели награждение орденом Ленина и повторный прием в кандидаты в ВКП(б). Награждение орденом перевешивало в глазах командования не только неприятный осадок от склонности к частым выпивкам на берегу (док. № 3.21), но и снова выдвигало Маринеско в число кандидатов на вышестоящую должность – назначение командиром подлодки среднего водоизмещения. Оно состоялось в апреле 1943 г. с назначением командиром С-13. По счастливому стечению обстоятельств этот корабль не участвовал в предпринимавшихся весной и летом 43-го попытках вырваться за пределы Финского залива, что, скорее всего, окончилось бы трагически. Достаточно сказать, что из пяти выходивших в море средних подлодок вернулась в базу лишь одна, а в число погибших вошли две «эски», включая С-9, которой командовал закадычный друг Маринеско А. И. Мыльников. Еще раньше погиб другой товарищ – командир М-102 П. В. Гладилин. Поминки по погибшим друзьям вылились в очередной «эксцесс» (док. № 4.2) с последовавшими за ним служебным и партийным взысканиями. Затем в течение нескольких месяцев – с августа 1943 г. до октября 1944 г. – никаких громких происшествий за Маринеско не числилось. Зато именно в этот период экипаж С-13, возглавляемый своим командиром, отработал на рейдах вблизи Кронштадта большинство задач курса боевой подготовки, что создало неплохой фундамент для будущих побед. За это, а также за быстрое и качественное проведение зимнего судоремонта новый комдив-1 капитан 1-го ранга А. Е. Орел дважды пытался представить командира «эски» к правительственным наградам, но хода эти документы не получили – к тому времени сложилось негласное положение награждать командиров только за успешные боевые походы, а их по не зависящим от Маринеско причинам пока не было.

В целом же период с декабря 1942 по сентябрь 1944 г. в развитии личности нашего героя можно оценить скорее отрицательно, чем положительно. 22 месяца вынужденного безделья, когда Маринеско не ходил в боевые походы, пришлись на период коренного перелома в Великой Отечественной войне и не могли пройти для деятельной натуры бесследно. И она нашла для себя дела достойные внимания, вот только служба при этом, к сожалению, отошла на второй план. Справедливости ради заметим, что командирские тактические навыки Александра Ивановича, благодаря интенсивной боевой подготовке, по сравнению с началом войны заметно выросли и находились, можно сказать, на пике своего развития.

Весной 44-го в Ленинград из эвакуации вернулась семья Александра Ивановича, но позже Нина Ильинична узнала, что муж в ее отсутствие жил с другой женщиной, к которой он окончательно ушел в конце 45-го, – блокадницей, некой Анной Ивановной[3]. Чисто по-человечески понять Маринеско можно – испытание разлукой и войной выдерживали далеко

[3] Интервью Л. Маринеско порталу «Моряк Украины (http://moryakukrainy.livejournal.com/190669.html).

не все. Но последующие события наглядно показали, что он не хранил верность и своей новой любви. Так, может, дело было и не в любви вовсе?

К осени 1944 г., когда подлодки КБФ вновь получили возможность выйти на просторы Балтики, А. И. Маринеско оценивался командованием как вполне способный командир, который в силу объективных обстоятельств не успел пока проявить себя в должной мере. На его злоупотребление спиртным, самовольные отлучки, а также начавшие отмечаться с 1943 г. «аморальные явления» (под этим подразумевались случайные сексуальные связи женатого Маринеско с другими женщинами) смотрели если не сквозь пальцы, то достаточно спокойно. Объяснялось это в значительной степени тем, что морально-психологическое состояние экипажей подводных лодок в 1943–1944 гг. оставалось довольно сложным (док. № 5.4), а резерв подготовленных командиров-подводников, которыми можно было бы заменить нарушителя дисциплины, был давно исчерпан. В то же время с весны 44-го отношение командования к злоупотреблению спиртным стало ужесточаться. 30 апреля вышел Приказ НК ВМФ Н. Г. Кузнецова № 0349 «О запрещении выдачи и распития винно-водочных изделий на кораблях, в частях и учреждениях ВМФ», которым прямо запрещалось распитие алкоголя на службе сверх установленных «наркомовских» граммов. В появившейся вслед за этим директиве начальника Главпура ВМФ И. В. Рогова подчеркивалось, что «пьянство на флоте приняло недопустимые размеры, и оно, как правило, является причиной совершения военнослужащими почти всех крупных правонарушений и проступков». Впрочем, эти сигналы восприняли далеко не все…

«Кадровый голод» заставлял командование КБФ и соединений закрывать глаза и на недостаточно высокую результативность ряда подлодок, продемонстрированную в боевых походах последнего квартала 1944 г. (док. № 5.9). Вошла в их число и С-13 А. И. Маринеско. Увы, анализ его действий в крейсерстве между 5 октября и 11 ноября 1944 г. говорит не в пользу будущего «подводника № 1». Фактически за 38 суток нахождения в море С-13 смогла обнаружить всего четыре потенциальные цели, и лишь одна из таких встреч завершилась атакой. Налицо были факты плохой работы акустика и шифровальщика подлодки, причем в результате ошибок последнего «эска» дважды занимала не те позиции, где ей следовало патрулировать (док. № 5.7). Не случайным представляется тот факт, что в своем заключении командир дивизиона капитан 1-го ранга А. Е. Орел уклонился от оценки результатов похода, а комбриг капитан 1-го ранга С. Б. Верховский оценил их как удовлетворительные, отметив при этом *«недостаточную настойчивость в поиске транспортов противника после обнаружения шумов по ШП».* Намного жестче в своей декабрьской директиве прокомментировал действия С-13 Военный совет КБФ (док. № 5.8). Конкретно в вину ее командиру ставились редкие всплытия под перископ (через каждые полчаса вместо 10 минут), что шло вразрез с требованиями боевого наставления, а также двукратная грубая ошибка в определении элементов движения транспорта при торпедной стрельбе. При разборе этого эпизода комдив Орел фактически упрекнул Маринеско в очковтирательстве: *«Заявление командира, что ТР в момент трехторпедного залпа застопорил ход, а в момент одиночного выстрела дал ход и этим объясняя промахи, неверно, т. к. торпеда должна была бы попасть в ТР через 32 секунды, а ТР застопорил ход и сразу же, погасив энергию* (*чего быть не может*)*, не дошел бы до точки встречи с торпедой только 90 метр., что при стрельбе веером с растворением 2°20′ в обе стороны при такой дистанции все равно привело бы к попаданию, такой же подсчет можно сделать и для повторного выпуска по стоящему ТР одной торпеды»* (док. № 5.6). Можно не сомневаться, что, если бы командованию стали известны истинные результаты атаки на транспорт «Зигфрид» (док. № 5.12), который Маринеско объявил потопленным, не имея на то формальных оснований (не убедился в погружении тонущего судна, что дало возможность экипажу спасти его), оценка оказалась бы еще ниже.

С другой стороны, мало кто из командиров бригады ПЛ Балтфлота в первых походах 1944 г. смог добиться большего – сказывались длительный перерыв в плавании и, несомненно, определенная неуверенность перед лицом сильного и опытного противника, каким для нас на протяжении всей войны оставался немецкий военно-морской флот. Впрочем, вскоре наши подводники убедились в том, что немцы далеко не так всемогущи на море, как это казалось ранее, – в течение последнего квартала 1944 г. бригада потерь не имела, зато, по докладам, потопила 29 торговых судов и 3 боевых корабля. Реальные цифры были ощутимо меньше, но истина заключалась в том, что немцы не имели сил не только для эффективной борьбы с подлодками, но даже для непосредственной защиты своих конвоев – в них, как правило, число охраняемых судов превышало число эскортных кораблей, причем иногда даже в 1,5–2 раза. Самый эффективный способ защиты коммуникаций и главная причина потерь наших субмарин – постановка оборонительных минных заграждений вдоль трасс движения конвоев – не мог быть использован немецким командованием по целому ряду причин. Для действий подлодок КБФ сложилась благоприятная ситуация, извлечь полную выгоду из которой мешали слабость разведки, отсутствие современных приборов обнаружения и целеуказания, а в определенной мере и пассивность ряда командиров, понимавших, что исход войны решается не на море, а на сухопутном фронте, и стремившихся избежать ненужного, с их точки зрения, риска.

Из вышеизложенного можно прийти к заключению, что к началу 1945 г. А. И. Маринеско, имевший на своем официальном счету две победы, явно не возглавлял список наиболее результативных и прославленных командиров подлодок. Из 18 командиров боевых подлодок БПЛ КБФ восемь официально засчитанных побед на тот момент имел А. М. Матиясевич (командир «Лембита»), по шесть – С. И. Богорад (Щ-310) и М. С. Калинин (Щ-307), пять И. В. Травкин (в 1942 г. в период командования Щ-303), по четыре – А. А. Клюшкин (С-4) и Р. В. Линденберг (Д-2), три – И. П. Попов (К-56). Равное с Маринеско количество имели П. П. Ветчинкин (Щ-309), П. И. Бочаров (Щ-407), В. А. Дроздов (К-51) и В. К Коновалов (Л-3), причем по потопленному тоннажу все они, за исключением Коновалова, превосходили показатели командира С-13. Зато фамилия будущего «подводника № 1» в списках нарушений воинской дисциплины занимала совсем другую позицию, а чувствительность со стороны командования к данному вопросу в конце 1944 г. резко повысилась.

Одной из главных, но недостаточно освещенных причин падения уровня дисциплины на БПЛ была передислокация подразделений бригады в порты Финляндии. Почему реакция на проступки подводников после этого события стала намного более жесткой? В чем же было отличие финских условий от наших? С точки зрения командования и политотдела это заключалось сразу в нескольких принципиальных моментах.

Во-первых, оказавшись за границей, граждане Советского государства не имели морального права вести себя недостойно, подрывая тем самым такие важные тезисы официальной пропаганды, как успехи в формировании нового сознания советских людей, повышении их культурного уровня и т. п. Вековые традиции обычных моряков, стремящихся насладиться иностранной экзотикой и удариться в загул в первом попавшемся порту, а именно этот пункт, как мы знаем, был одним из принципиальных несогласий Маринеско с положениями военной службы, должны были быть им чужды. Тем более это касалось офицеров, которые по своим обязанностям являлись не только воспитателями личного состава, но и должны были подавать ему личный пример. В качестве своеобразной компенсации предоставлялись отпуска (в том числе в дома отдыха подводников) и командировки к семьям в Ленинград, не говоря уже о попытках политотдела повысить качество культурно-массовой работы непосредственно в частях, но, как мы увидим на конкретном примере, это срабатывало далеко не с каждым.

Во-вторых, до сентября 1944 г. Финляндия являлась военным противником СССР, ее население воспитывалось в соответствующем духе, а потому весьма вероятными казались террористические акты по отношению к советским военнослужащим, попытки вербовки их иностранными разведками, выведывание у них сведений военного характера. С позиций сегодняшнего дня многие опасения командования кажутся чрезмерными или даже смешными, но фактически все они формировались в рамках стереотипов мышления той непростой эпохи и тезиса о необходимости максимальной бдительности, тем более в отношениях с иностранцами. К тому же, как следует из документов (док. № 5.18, 6.1, 6.19, 6.20), далеко не все поступки финнов по отношению к нашим морякам объяснялись одними добрыми намерениями или даже просто подчинялись законам формальной логики.

В-третьих, политотделу были хорошо известны возникшие у части личного состава сомнения в декларируемом советской пропагандой «бедственном положении трудящихся в капиталистических странах», особенно после того, как они ознакомились с состоянием дел на месте. Так, например, командир 3-го ДПЛ капитан 2-го ранга Г. А. Гольдберг заявил: *«Если бы у нас ликвидировали колхозы и создали бы единоличное хозяйство, оно выглядело бы примерно вот так, как эти домики в Финляндии».* Чего же тогда можно было ожидать от рядовых краснофлотцев? В политотделе боялись их бегства из частей в поисках сладкой жизни на Западе. К счастью, до этого не дошло, и все замерло на предыдущей стадии – массовых самовольных отлучках и пьянках, в том числе с участием финнов как мужского, так и женского пола. Причем даже такие жесткие меры, как предание суду и направление в штрафные подразделения, не могли заставить ряд офицеров и краснофлотцев не использовать свой шанс на «некультурный отдых», если таковой представлялся.

Еще неприятнее для высшего командного и политического состава было то, что факт принадлежности моряков к коммунистической партии почти не играл никакой роли: проступки совершали как беспартийные, так и коммунисты. В декабрьском политдонесении (док. № 5.18) утверждалось, что число самовольных отлучек по сравнению с ноябрем выросло с 34 до 39, а общее количество дисциплинарных проступков установить крайне затруднительно. Для сравнения заметим, что в 1943 г. на БПЛ совершалось по 6–7 самоволок в месяц. В стремлении навести порядок командование и политотдел не стеснялись прибегать к драконовским мерам. Точное количество дел, переданных на рассмотрение суду военного трибунала за ноябрь и декабрь 1944 г., установить не удалось, но из контекста документов вытекает, что их было не менее двух десятков. Но и этого оказалось недостаточно. В выводной части декабрьского донесения начальник политотдела БПЛ капитан 2-го ранга С. С. Жамкочьян высказал мысль, что *«для пресечения злостных нарушителей дисциплины целесообразно провести ряд показательных судебных процессов».* В 1941 г. именно на таких процессах были осуждены командир Щ-307 Н. И. Петров и уже упоминавшийся комиссар 5-го ДПЛ А. Г. Дымский. Теперь настала очередь самого Маринеско, суд над которым должен был состояться 5 января 1945 г. Что же конкретно ему инкриминировалось?

К сожалению, при составлении сборника нам не удалось обнаружить следственное дело и даже точно установить факт его существования и местонахождение на сегодняшний день. Многие архивы крайне неохотно делятся любой информацией, связанной с персоналиями, в особенности если эти персоналии достаточно известны, а в документах содержится негативная информация о них. Поэтому приходится довольствоваться кратким изложением событий из политдонесения о январском 1945 г. походе С-13 (док. № 6.15): *«Капитан 3-го ранга Маринеско – член ВКП(б), дважды без разрешения командира дивизиона ходил в город Ханко, где пьянствовал и имел связь с финскими женщинами, за что предавался суду Военного Трибунала».* Из декабрьского политдонесения известно, что этим событиям предшествовали другие, произошедшие еще в период нахождения С-13 на ремонте в Хельсинки и которые, на наш взгляд, выглядят похлеще, чем заурядные самоволки: *«11.12.1944 г. по*

возвращении из Кронштадта от семьи (Маринеско. – *Сост.*) *связался с финской женщиной с танкера, стоявшего у борта «Иртыша», пригласил ее к себе в каюту на ПБ «Иртыш», будучи пьян провел с ней время до утра. На другой день в нетрезвом состоянии ночью зашел в каюту женщины зубного врача ПБ «Иртыш», когда никакого приема не было. Оттуда его попросил начальник сан. службы тов. Анисимов. Маринеско считал замечание оскорбительным, начал ссориться, а потом ударил Анисимова. Сам пришел утром с поцарапанным лицом. Партийная комиссия бригады разобрала поведение Маринеско и объявила выговор с занесением в учетную карточку. Маринеско дал слово не повторять подобных фактов и обещал честной боевой работой искупить вину перед партией».*

Вышеуказанное заседание парткомиссии, окончившееся выговором, состоялось 31 декабря, а записанная со слов Маринеско писателем А. Кроном (повесть «Капитан дальнего плавания») история о новогоднем загуле с красавицей шведкой – хозяйкой ресторана[4] – в новогоднюю ночь. Насколько ее истинные детали соответствовали рассказу Александра Ивановича, нам неизвестно – документы об этом молчат. Тем не менее тот факт, что в реальности С-13 находилась не в крупном городе Турку, а в акватории старой советской базы Ханко, где никаких особых развлечений не было, наводит на мысль, что и остальная «романтика» могла быть придумана. Для нас же главным является не выяснение того, с кем кутил Маринеско: со шведкой – хозяйкой гостиницы или с финкой – морячкой с какого-нибудь судна, а фиксация действительной последовательности событий: наш герой ушел в само-

[4] «Наиболее точно, стремясь хотя бы отчасти сохранить интонацию Александра Ивановича, я воспроизвел его рассказ о пресловутом загуле в Турку, оставшемся, несмотря ни на что, несмываемым клеймом на репутации подводника № 1. Сегодня уже ничто не мешает мне включить в мое повествование эту трагикомическую новеллу, теперь, по прошествии многих лет, она уже не может никого задеть. Воспроизвожу эту запись в том виде, в каком я прочитал ее Ивану Степановичу, опущу только имена и смягчу некоторые выражения, не имеющие существенного значения. Грубоват Александр Иванович бывал, циничен никогда.«А насчет финки – не отрицаю. Был такой грех. Положим, она не финка, а шведка была. Все-таки нейтральная нация. Дело было в Турку под новый, сорок пятый год. Финляндия вышла из войны, мы стоим в порту, живем на плавбазе. Лодка полностью готова к выходу в море, ждем приказа. Скука смертная, надоели все друг другу – дальше некуда. Мы с другом моим Петей Л., помните его, наверно, от тоски лезем на стенку. Решили пойти в город, там в гостинице жили знакомые ребята из советской контрольной комиссии, хотели встретить с ними Новый год. Деньги у меня были. Приходим, никого нет. Где – неизвестно. Заходим в ресторан. Открыто, но в зале ни души, одни официантки. Как видно, финны – домоседы, любят Новый год встречать дома. Мы попросили девушек накрыть нам в кабинете столик на шестерых, хоть и было нас всего двое. Расчет был на то, что наши знакомые вернутся и подсядут. Однако никто не идет. Мы в меру выпили, закусили, стали петь потихоньку украинские песни. Девушки заходят, слушают, улыбаются нам, но к столу, как мы ни звали, присесть не решаются. Вдруг откуда ни возьмись хозяйка. Молодая, лет этак двадцати восьми, красивая, сразу видно огонь-баба. Прогоняет девок, сама подсаживается к нам, заговаривает по-русски. У нас сразу контакт. Я ей мигаю: дескать, нельзя ли и моему другу составить компанию? Поняла, вызвала с этажа какую-то свою помощницу, тоже ничего, интересная собой. И гуляем уже вчетвером. А затем забрали со стола спиртное, еще кое-чего и поехали на пятый этаж, где у нее собственный апартамент.Откровенно скажу, мы друг дружке по вкусу пришлись. Она бедовая, веселая. Незамужняя, но есть жених. Инженер, работает в Хельсинки в фирме. Почему же, спрашиваю, он не с тобой встречает? Потому, говорит, что у них в фирме такой порядок – встречать с хозяином. Из-за этого, говорит, я с ним даже поссорилась. Ну и правильно, говорю…Утром раненько в дверь стучат. Что за шум? Докладывают: жених приехал из Хельсинки, ожидает внизу. А я как раз в самый задор вошел. «Прогони», – говорю. Она смеется: «Как так – прогони? Мне за него замуж идти. Ты ведь на мне не женишься?» Это уже вроде как без шуток спрашивает. А я тоже со смехом: «Пойдешь за меня?» – «Пойду, – говорит. – И гостиница твоя будет». Тут я совсем развеселился: «Сашка Маринеско – хозяин гостиницы! Нет, говорю, – не женюсь, а ты этого, что внизу, все-таки прогони, пусть едет к своему хозяину».И что же вы думаете – прогнала. Такая отчаянная баба! Прошло сколько-то времени, не считал, признаться: опять стучат. Докладывают: военный. Ничего не слушает, требует командира. Выглядываю. Батюшки мои – доктор. Военфельдшер с лодки. Дознался и разыскал. «Отцы командиры, – говорит, – дуйте скорее на базу, там черт-те что творится… Наши уже заявили финским властям: пропали два офицера…» Возвращаюсь в апартамент, объясняю положение – что делать? Моя смотрит холодно, с усмешкой: «Что делать? Прогони его». Я аж рот разинул: «Как так – прогони?» – «А очень просто, прогони, и все. Я ради тебя жениха прогнала, а ты подчиненному приказать не смеешь?» – «Так он же видел меня, он скажет…» – «А ты запрети. Он кто – офицер? Возьми с него слово. Или у ваших офицеров слова нет?» – «Ну это ты брось, – говорю. – У наших офицеров слово очень крепкое…» Вышел к доктору и говорю: «Ты меня не видел». – «Товарищ командир, опомнитесь…» – «Сделаешь, как я велел. Понял меня? Слово даешь?» – «Даю», – говорит. И, конечно, сдержал.Когда мы с повинной явились на базу, встретили нас сурово. Обоим грозил трибунал. Но потом обошлось. К комдиву пришла делегация от команды – с другим командиром в море идти не хотим. Комдив Орел – умный человек, понял настроение экипажа, а корабль в готовности, снимать командира, ставить нового – мороки не оберешься. И я ушел в поход – искупать вину (*Крон А. А.* Указ. соч. С. 163–165).

вольную отлучку вечером того же дня, когда на парткомиссии клялся *«не повторять подобных фактов»*! И потому неудивительно, что реакция командования оказалась скорой и жесткой.

Теперь вслед за партийной ответственностью должна была наступить уголовная. Самовольная отлучка считалась тогда и считается сейчас воинским преступлением. Ответственность за нее устанавливалась действовавшим на тот момент Уголовным кодексом РСФСР редакции 1926 г. Там говорилось:

> *«193.5. Самовольное оставление военнослужащим своей части или места службы, продолжающееся менее шести суток, при условии добровольной явки признается самовольной отлучкой. В этих случаях в отношении самовольно отлучившихся подлежат применению правила Устава дисциплинарного… Всякое самовольное оставление военнослужащим своей части или места службы* ***в боевой обстановке*** *влечет за собой применение мер социальной защиты, как за побег…* (выделено составителем).
>
> *193.8. Побег, совершенный в военное время или при боевой обстановке красноармейцем, а равно и побег, совершенный как в мирной, так и в боевой обстановке лиuом командного, административно-хозяйственного или политического состава, влечет за собой применение высшей меры соuиальной защиты, а при смягчающих обстоятельствах – лишение свободы на срок не ниже трех лет с конфискаuией имущества. причем в военное время приговор к лишению свободы в отношении личного отбывания может быть отложен до окончания военных действий, осужденный же направляется в действующие части армии или флота на должности по назначению военного командования».*

Из всего вышеизложенного можно сделать сразу несколько выводов.

Во-первых, решение отдать Маринеско под суд совершенно не подходит под формулу сведения счетов кого-то из командования и/или политодела с непокорным командиром. Офицер совершил далеко не первое за время своей службы грубое нарушение воинской дисциплины, которое по законам военного времени должно было караться очень сурово, многократно предупреждался, обещал исправиться, но, несмотря на это, продолжал совершать проступки вновь и вновь. Кредит доверия закончился, а чаша терпения переполнилась. С учетом того, что ситуация с дисциплиной в бригаде после перебазирования в Финляндию оставляла желать лучшего и требовался показательный процесс, шансы Маринеско и в дальнейшем избегать заслуженного наказания резко сократились.

Во-вторых, часто повторяемый тезис о том, что во время войны все «расслаблялись» одинаково, при столкновении с реальными документами не выдерживает серьезной критики. Да, выпивали многие – не будем забывать про узаконенные ежедневные «наркомовские» 100 граммов, – но так, чтобы это отражалось на исполнении служебных обязанностей – единицы, по крайней мере среди командиров кораблей. Если поднять политдонесения с декабря 1944 г. по май 1945 г., то можно убедиться, что из 18 командиров боевых подлодок КБФ по причине личной недисциплинированности там упоминаются только двое – Маринеско и командир К-56 И. П. Попов. Об остальных если и вспоминают, то только в связи с нарушениями, совершавшимися их личным составом. При этом выясняется, что в бригаде имелись экипажи, где дисциплинарные поступки вовсе не совершались на протяжении довольно значительных промежутков времени. Так было, например, на Щ-307 (капитан 3-го ранга М. С. Калинин), Щ-318 (капитан 3-го ранга Л. А. Лошкарев), Щ-407 (капитан 3-го ранга П. И. Бочаров), где в январе и феврале 1945 г. случаев нарушения дисциплины не

имелось. В то же время командиры этих и других подлодок подвергались критике вышестоящего командования за недостаточные результаты боевых походов и другие упущения по службе, причем иногда довольно жестко. В сумме все это не дает оснований считать, что все остальные офицеры ходили у командования и политотдела в «любимчиках», а Маринеско стал жертвой тайного заговора.

В-третьих, как это ни неприятно констатировать, но сам Александр Иванович, мягко говоря, сильно грешил против истины, когда рассказывал А. Крону, что «новогоднее приключение» в Турку было первым и последним серьезным нарушением за все время его службы. Да простят нам параллели, но его версия событий больше напоминает рассказ бывалого уголовника: «За что ты сидишь?» – «Да ни за что!» Подобная позиция, несомненно, свидетельствует о том, что даже спустя много лет после описываемых событий А. И. Маринеско не осознал недопустимость грубых нарушений воинской дисциплины в боевых условиях, не чувствовал за собой никакой вины и не признавал справедливости наказания. Об этом свидетельствует в том числе и нарочито упрощенный язык его рассказа А. Крону: *«Мы с другом моим Петей Л.* (по некоторым данным, под «Петей Л.» выведен друг Маринеско Михаил Лобанов – см. приложение № 3. – *Сост.*)*... решили пойти в город»* – сказано так, будто выход в город был свободным, туда можно было идти и возвращаться по собственному желанию. На самом же деле по организации новогодних празднований командование БПЛ издало довольно строгий приказ, который, по-видимому, подвергся правке задним числом (см. док. № 5.20 и комментарий к нему), чтобы не подводить Маринеско и других самовольщиков под его нарушение и, соответственно, трибунал.

Или другое место в рассказе: *«Обоим грозил трибунал. Но потом обошлось. Комдив Орел – умный человек, понял настроение экипажа…»* – насколько нужно быть уверенным в наивности собеседника, чтобы говорить ему, что решения об отдаче военнослужащего под суд принимались и отменялись лицом в ранге комдива? В сумме эти и другие моменты повествования еще раз доказывают, что, когда в начале января 1945 г. *«Маринеско просил командующего КБФ отменить свое решение, обещал исправиться, а также просил, чтобы ему было разрешено выйти в боевой поход командиром ПЛ, где искупить свою вину»* (док. № 6.33), его раскаяние и обещание не повторять подобных вещей вновь было неискренним. Впрочем, в этом можно легко убедиться на основе последующих событий.

Тут необходимо сказать пару слов относительно «настроений экипажа», которые якобы понял комдив Орел. В среде моряков ходит легенда, что, после того как Маринеско вернулся из самовольной отлучки и был отстранен от командования подлодкой, в штаб (какой именно, в легенде звучит противоречиво или не уточняется) пришла вся команда и заявила, что с другим командиром она в море не пойдет. Могло ли такое быть? Если бы было, то такой факт, как проявление массовой нелояльности, должен был неизбежно попасть в политдонесение или даже спецсообщение по линии политотдела, а ничего подобного в архиве не обнаружено. Важно другое: подлодка и ее экипаж находились на Ханко, а командующий КБФ адмирал В. Ф. Трибуц, который принял решение рассмотреть дело Маринеско после возвращения из боевого похода, – в Ленинграде. К нему экипаж С-13 точно не ходил и никакого влияния оказать не мог, тем более что, как уже говорилось выше, никакой информации о подобном требовании экипажа в штаб флота не поступало. Так что решение было принято по доброй воле комфлота, хотя он, принимая его, несомненно, советовался с командованием БПЛ, а оно и без экипажа С-13 знало, что в данных условиях быстро заменить Маринеско другим командиром не получится и график выхода лодок на позиции, за что отвечало и командование БПЛ, и командование флота перед Главным морским штабом, будет сорван. В общем, после первой нервной реакции случай сочли недостаточно значимым, чтобы «стирать свое грязное белье» на глазах у Москвы. Судя по рассказу Маринеско, все это прекрасно осознавал и он сам (*«корабль в готовности, снимать командира, ставить нового – мороки*

не оберешься»), отчего его уверенность в собственной безнаказанности выглядит особенно цинично и издевательски по отношению к своим прямым начальникам.

Здесь мы непосредственно подходим к анализу того самого январско-февральского похода 1945 г., за который Маринеско и снискал славу «подводника № 1».

Обстановка конца января 45-го на Балтике оценивалась немецким командованием как критическая, причем даже в большей степени, чем в последующие месяцы вплоть до середины апреля. Это было обусловлено главным образом стремительностью прорыва наших войск к Кенигсбергу, Пиллау и Эльбингу. В связи с резким изменением наземной обстановки немцам требовалось одновременно решить несколько весьма сложных задач:

1. Поддерживать снабжение курляндской группировки, а главное – организовать вывоз из Курляндии в Германию восьми дивизий. Помимо этого с 23 по 28 января немцы частично морем эвакуировали гарнизон Мемеля, что также потребовало больших усилий со стороны германских ВМС.

2. Организовать артподдержку сухопутных войск тяжелыми надводными кораблями 2-й боевой группы кригсмарине – сначала у берегов Земландского полуострова, затем одновременно еще и в южной части Данцигской бухты.

3. Осуществить эвакуацию недостроенных и ремонтирующихся кораблей с судоремонтных предприятий в Кенигсберге и Пиллау в порты западной части Балтийского моря.

4. Произвести эвакуацию большой массы беженцев – населения Восточной Пруссии из районов Пиллау и Готенхафена.

5. Осуществить разминирование Данцигской бухты, в начале и середине января сильно заминированной англичанами с воздуха. Еще в конце 1944 г. все корабли в Данцигской бухте и у Либавы выводились и встречались неконтактными тральщиками и прерывателями минных заграждений, но теперь требовалось протралить еще и районы боевой подготовки учебных соединений ПЛ, а также районы маневрирования кораблей 2-й боевой группы. Помимо этого существовала и осознавалась перманентная угроза скрытных постановок якорных мин с наших подлодок, так что в составе наиболее ценных конвоев (лайнеры, войсковые транспорты, госпитальные суда, танкеры), как правило, выделялся один тральщик или миноносец с быстроходным подсекающим тралом.

6. Организовать перевод в порты западной части Балтийского моря соединений учебных флотилий подлодок (операция «Ганнибал»), а также многочисленных вспомогательных кораблей ВМФ из тыловых соединений (например, плавсредств школы торпедной стрельбы, различных учебных и опытовых кораблей и т. д.).

Для решения последней задачи эскортных кораблей не нашлось – немецкие субмарины осуществляли переход группами (были случаи, когда одни подлодки вели на буксире другие неисправные) или в одиночку, их плавбазы в охранении лодок и торпедоловов (помимо кораблей спецпостройки в этом качестве использовались также трофейные и старые немецкие миноносцы). Забегая вперед, отметим, что в сложившейся обстановке, обнаружив неизвестную подлодку, немцы не спешили применять оружие, а всегда запрашивали опознавательный сигнал. Маринеско в большинстве случаев это давало фору – он узнавал, что обнаружен и имел время на уклонение. В частности, так произошло в ранние часы 21-го и в ночь на 23 января, когда С-13 пыталась из надводного положения атаковывать конвои. Интересно отметить, что с кораблей эскорта даже не доложили об обнаружениях «эски», по-видимому посчитав субмарину своей.

Лодка покинула базу 11 января и находилась на позиции № 4 (маяк Риксхёфт – Кольберг) с вечера 13-го числа. «Правильность понимания» боевой задачи явствовала уже из первых действий на позиции. 16 января лодка пыталась выйти на обнаруженный авиаразведкой конвой. Отказаться от перехвата заставил лишь 8-балльный шторм. 21-го и 23-го лодка обнаруживала и преследовала конвои, и лишь противодействие кораблей охранения мешало ей

выйти в атаку. В ночь на 29-е С-13, казалось, удалось настигнуть добычу, но та оказалась не «2000-тонным транспортом», а океанской субмариной IX серии U-539 (рядом с ней находилась аварийная U-1223), и сумела постоять за себя. Из анализа немецких документов получается, что данное боестолкновение стало первым предупреждением о присутствии в этом районе моря активно действующей советской подлодки. Тем не менее в немецких штабах спокойно отнеслись к этому известию, возможно все-таки посчитав, что субмарина была своей. Обстрелянная из автоматической пушки, «эска» погрузилась и легла на грунт, но не ушла из района, где непогода вновь разыгралась не на шутку. Прошло чуть меньше двух суток, и вот вечернее всплытие 30 января привело к обнаружению крупного лайнера. Им оказался «Вильгельм Густлоф»…

Вечером того дня по немецкому глубоководному фарватеру № 58, соединявшему Данцигскую бухту и Свинемюнде в обход с севера банки Штольпе и удачно перехваченному Маринеско, двигалось семь конвоев и отрядов боевых кораблей.

Следовали с востока на запад в порядке выхода из Данцигской бухты:

1. Конвой 18-й учебной флотилии подлодок – плавбаза (быв. лайнер) «Антонио Дельфино» (13 589 брт; на борту 2 тысячи беженцев), плавбаза (быв. плавбаза китобойных судов) «Вальтер Рау» (13 751 брт; на борту 3100 беженцев, 100 раненых, 100 солдат), подлодки UA, U-749, U-750, U-1161, миноносец «Тигер», тральщик М-552, торпедолов TF-12. Время выхода из бухты около 11:00. Около 20:00 по берлинскому времени конвой пересек 17-й градус восточной долготы, то есть шел впереди «Густлофа» с опережением примерно на 5–6 часов и миновал позицию С-13 еще днем.

2. Конвой 2-й учебной дивизии подводных лодок. Должен был состоять из плавбаз «Ганза» (лайнер 21 131 брт), «В. Густлоф» (25 484 брт), «Вильгельм Бауэр», субмарины U-103, миноносцев «Лёве», Т-151 и торпедолова TF-1. При подготовке к выходу в море у лайнера «Ганза» отказал руль, и поэтому конвой вышел около 15 часов в половинном составе – «Густлоф», «Лёве», TF-1 (вскоре вернулся из-за течи).

3. Отряд боевых кораблей в составе: тяжелый крейсер «Адмирал Хиппер» (1227 беженцев, 150 раненых, 152 рабочих судоверфи), миноносец Т-36 (250–300 беженцев) – вышли с рейда Хель около 17:30. В 21:30, то есть примерно спустя 20 минут после торпедирования, заметили ракеты с тонущего «Густлофа», то есть находились на небольшой дистанции и обгоняли конвой «Густлофа».

4. Конвой транспорта «Готенланд» (5312 брт; 3500 беженцев), тральщик М-341 (291 беженец), учебный торпедный корабль TS-2 (302 беженца) в 14:30 вышел из Пиллау.

5. Конвой транспорта «Геттинген» (6267 брт; по документам – 2500 раненых и 1500 беженцев, по данным немецкого историка Х. Шёна – 2436 раненых и 1190 беженцев), учебный торпедный корабль TS-8 (123 беженца). В 18:30 вышел с рейда Хель (в ночь на 30.01 перешел туда из Пиллау).

6. Конвой лайнера «Потсдам» (17 528 брт; 7 тысяч беженцев), куда также входило опытовое судно «Вулленвевер», плавбаза торпедных катеров «Танга» (500 беженцев), тральщики М-603, М-803, учебные торпедные корабли TS-1, TS-5. Вышел из Готенхафена около 23 часов, то есть уже после торпедирования «Густлофа».

С запада на восток шел один порожний конвой: транспорт для перевозки раненых (лайнер) «Штойбен» (14 660 брт), лайнер «Дер Дойче» (11 453 брт), госпитальное судно «Ренате», тральщики М-30, М-801 и сторожевой корабль V-305. Кроме того, в море находился ряд кораблей, осуществлявших одиночные переходы в Данцигскую бухту для усиления формировавшихся там конвоев учебных соединений подлодок. В это число входили миноносец «Леопард», торпедоловы TF-13, TF-15, TF-19. При такой насыщенности района потенциальными целями Маринеско было из чего выбирать. Нелишним будет заметить, что никакого предварительного радиооповещения конвоев о присутствии советской субма-

рины в районе банки Штольпе не было. То, что на «Густлофе» его якобы не приняли из-за атмосферных помех или по какой-то другой причине (иногда в качестве ее называют передачу юбилейной речи Гитлера в честь 12-летия прихода нацистов к власти), – писательская выдумка. Анализ сообщений немецких кораблей, перехваченных и дешифрованных англичанами в рамках операции «Ультра», показывает, что сообщения о подводной опасности в квадрате A09452, переданные штабами 3-й охранной флотилии и 10-й дивизии охранения, ушли в эфир уже после торпедирования «Густлофа» и являются не чем иным, как ретрансляцией сообщений «Хиппера» (док. № 6.9) другим находящимся поблизости конвоям.

Теперь обратимся к тактическому разбору «атаки века».

Сигнальщики «эски» обнаружили будущую жертву на курсовом угле 30 градусов левого борта в 21:10 и спустя 5 минут идентифицировали ее как лайнер, перед которым идет сторожевой корабль. В момент обнаружения лодка двигалась курсом 105 градусов, что являлось почти строгим встречным курсом относительно курса «Густлофа» при траверзном расстоянии между обоими курсами около 2 миль. Скорости хода противников по иронии судьбы были одинаковы и составляли 12 узлов, хотя наш вахтенный приписал «немцу» на 3 узла больше, что, впрочем, опровергается германскими документами. При скорости сближения равной 24 узлам Маринеско потребовалось 14 минут, чтобы определить приблизительные элементы движения цели и объявить торпедную атаку. Нетрудно посчитать, что за это время дистанция между кораблями сократилась почти на 6 миль (в 21:2 °С-13 уменьшила ход до 9 узлов), что при сравнительно высокой скорости хода лайнера (об этом можно было бы догадаться в момент классификации цели) легко могло привести к потере контакта, и уж точно привело бы, заметь противник советскую подлодку. Условия атаки усложнялись, хотя в этом вряд ли можно винить немцев, продолжавших «переть» на запад по прямой с постоянной скоростью. Враг словно проверял готовность советских подводников к осуществлению атаки в простейших условиях. Следует заметить, что переходящая из одного отечественного издания в другое версия об «особом мастерстве» Маринеско, зашедшего в атаку со стороны берега, откуда враг не ожидал нападения из-за малой глубины, не выдерживает никакой критики. Во-первых, цель изначально была мористее С-13 и на протяжении всей атаки лодка оставалась ближе к берегу, во-вторых, фарватер № 58 проходил от берега на расстоянии 12 миль, что совершенно не исключало возможность появления подводных лодок с любых направлений. Глубина моря в месте гибели «Густлофа» достигала 61 метра, в то время как в годы войны неоднократно имели место атаки советских подлодок с глубин до 20 метров (или даже 8 метров в Одесском заливе, где действовали лодки типа «М»).

И другие обстоятельства в эту ночь сложились в пользу советской стороны. Не выдерживая 12-узлового хода при сильном волнении и боковом северо-западном ветре, единственный корабль охранения – миноносец «Лёве» – начал отставать. По немецким данным, в момент торпедирования «Густлофа» миноносец находился от него на расстоянии 300–400 м, во что, однако, трудно поверить, поскольку с С-13 его не наблюдали. В вахтенном журнале подлодки «исчезновение» «сторожевого корабля» определяется как 21:25. Тремя минутами раньше Маринеско, круто изменив курс, начал сближение с противником. Хотя корабль охранения пропал из вида, в 21:27 командир «эски» отдал приказ о переходе в позиционное положение. Одновременно он начал понимать, что цель уходит из сектора атаки. Об этом свидетельствует ряд поворотов влево, фактически уже вслед проходящему мимо судну. В 21:35 ход лодки увеличивается до 12 узлов. Позиционное положение препятствовало достижению еще большей скорости, которая в этот момент была весьма необходима. В 21:41 продули концевые группы цистерн главного балласта, и спустя 3 минуты лодка развила уже 14 узлов.

К 21:55, в тот момент, когда дистанция составляла уже не менее 35 кабельтовых, Маринеско окончательно убедился в том, что с выходом в атаку он опоздал – курсовой угол лайнера на подводную лодку составлял 120 градусов левого борта. Не приняв нового решения,

атаковать цель было невозможно. И оно было принято – обогнать лайнер на параллельном курсе в надводном положении, занять позицию на носовых курсовых углах и выпустить торпеды. В 21:55 С-13 легла на курс 280 градусов и начала длительный часовой обгон ничего не подозревающего «Густлофа». В течение последнего получаса лодка развила 18-узловой ход (по всей вероятности, из-за сильного волнения реальная скорость была несколько меньшей, чем об этом можно было судить по числу оборотов гребных валов), чего она, по-видимому, не делала даже на сдаточных испытаниях в 1941 г. Вне всякого сомнения, поддержание подобной скорости делает честь электромеханической боевой части субмарины, однако не отнимает у атаки привкуса «полигонности».

Наконец, в 23:04 «атака века» достигла своей кульминации – лодка легла на боевой курс 15 градусов, который выводил ее строго перпендикулярно левому борту лайнера. Через 4 минуты Маринеско дал команду «пли». Дистанция до цели – 4,5 кабельтова, расчетный угол встречи – 85 градусов. Выпущен трехторпедный залп веером из носовых аппаратов. Спустя 37 секунд первая торпеда поразила левый борт цели в районе мостика. Вслед за этим почти сразу последовало еще два взрыва. Фактически Маринеско стрелял залпом не для того, чтобы добиться хотя бы одного попадания, а чтобы потопить столь крупное судно наверняка. И это, как мы знаем, ему удалось.

Послезалповое маневрирование С-13 также свидетельствовало о том, что командир стремился довести уничтожение лайнера до конца. Он не стал тут же отдавать приказ о погружении или об уклонении полным ходом в надводном положении в темную южную часть горизонта, а остался пронаблюдать результаты атаки. В вахтенном журнале появились следующие строки: «23.09… Лайнер накренился и начал тонуть… 23.10. Левый борт лайнера ушел под воду…»

В эту же минуту наконец-то объявилось охранение – наблюдатели подлодки зафиксировали свет прожектора на горизонте по пеленгу 25 градусов. Лишь после этого Маринеско приказал срочно погрузиться. Прошло еще 16 минут, прежде чем акустик зафиксировал работу вражеского гидролокатора по пеленгу 240 градусов. Судя по данным противной стороны, в этом направлении мог быть только «Лёве», которому, опять же, если верить немцам, за пару дней до эскортирования злополучного «Густлофа» срезало антенну ГАС при ударе о льдину. Очевидно, поэтому миноносец даже не пытался сбрасывать глубинные бомбы. В 20-минутном интервале с 23:26 до 23:45 присутствие противника на лодке никак не ощущалось. С-13 продолжала медленно двигаться под водой курсом 80 градусов, удалившись не более чем на 2 мили от гибнущего судна. Между тем, если бы Маринеско мог знать настоящее положение дел, он был бы по меньшей мере взволнован – с северо-востока максимальным ходом по прямой к месту катастрофы спешил крейсер «Хиппер» и миноносец Т-36 (именно его прожектор и видели сигнальщики С-13 на горизонте). В 23:45 шум винтов миноносца был зафиксирован на лодке, после чего она легла на курс 0 градусов. Тем временем с Т-36 заметили темную громаду «Густлофа» и корабль устремился прямо к ней. Тяжелый крейсер шел следом. В 00:00 он достиг места катастрофы, но почти сразу же миноносец установил гидроакустический контакт с подводной лодкой. Хотя дистанция до обнаруженного объекта составляла 18–22 кабельтовых и он не выказывал агрессивных намерений, командир «Хиппера», уже было отдавший приказ приступить к спасению утопающих, принял решение срочно возобновить движение на запад, оставив для оказания помощи только свой эскорт.

Покидая место спасательных работ, матросы «Хиппера» могли наблюдать, как в 00:10 сильно погрузившийся в воду лайнер лег на левый борт и затонул. Оба миноносца продолжали подбирать людей, одновременно наблюдая за «поведением» С-13. Хотя вахтенный журнал лодки свидетельствует, что все это время она продолжала медленно удаляться от места катастрофы в общем направлении на северо-восток, в 00:47 акустик Т-36 зафиксировал наличие второго крупного подводного объекта в северо-западном направлении, который

якобы пытался сблизиться с миноносцем. Корабль был вынужден прервать прием людей и контратаковать «субмарину». При этом немцы утверждали, что они наблюдали след торпеды, от которой Т-36 с трудом сумел уклониться. В ответ было сброшено двенадцать глубинных бомб. К тому моменту миноносец принял на борт уже 564 человека (в дополнение к 250, взятым в Готенхафене), и, согласно рапорту командира, не мог использовать зенитное вооружение. Около 01:00 Т-36 развил полный ход и взял курс на Заснитц. «Лёве» на некоторое время остался один, но вскоре к нему присоединились корабли конвоев «Готенланд» и «Геттинген», а с рассветом – высланные из Данцигской бухты корабли 3-й охранной флотилии. В то же время, опасаясь подводной угрозы, командование флотилии изменило к северу маршрут движения конвоя, куда входили лайнеры «Штойбен» и «Дер Дойче», и отозвало в Готенхафен вышедшие было в море лайнер «Потсдам» и судно «Вулленвевер». Все это время Маринеско поддерживал акустический контакт с судами, не делая при этом никаких попыток сблизиться. В 04:00 в журнале боевых действий лодки появилась запись: «Оторвались от преследования двух СКР, одного ТЩ. Во время преследования было сброшено 12 глубинных бомб. ПЛ повреждений не имеет». В 04:15 лодка всплыла и спокойно направилась в северную часть позиции, продолжая производить прерванную атакой зарядку аккумуляторных батарей.

Описание спасательной операции выходит за рамки нашей темы, а по поводу числа спасенных и погибших на судне мы высказывались в примечании к соответствующему немецкому документу. Хотя большинство погибших составили мирные жители Восточной Пруссии, следует подчеркнуть, что сам лайнер «Вильгельм Густлоф» являлся вполне легитимной целью, поскольку был включен в списки вспомогательных судов кригсмарине, обладал вооружением, которое применил бы для самозащиты, заметь он нашу «эску» до атаки. В конечном итоге Маринеско уничтожал не людей, а перевозившее их судно, и, окажись немецкое командование более расторопным при организации спасательной операции, жертвы не составили бы столь значительной цифры. С законностью атаки «Густлофа» согласны и современные немецкие историки.

Что же касается оперативной реакции немецкого командования на действия С-13, то она отсутствовала по элементарной причине – из-за нехватки сил. В зоне ответственности 9-й дивизии кораблей охранения, простиравшейся на восток от банки Штольпе до берегов Курляндии, имелось всего одно звено охотников за подлодками в составе двух единиц, мореходность которых позволяла использовать их вдали от берега в свежую погоду, но и его пришлось задействовать для непосредственного охранения конвоев. Противолодочная авиация была малочисленной, к тому же в ее составе имелось всего несколько самолетов, оснащенных радиолокационными станциями и пригодных для поиска подлодок в ночное время. В результате немецкое военно-морское командование ограничилось лишь внесением некоторых изменений в границы и правила пользования фарватерами. Для освобождения глубоководного фарватера № 58 для крупных судов Военно-морское командование Балтийского моря открыло движение по заминированному британской авиацией прибрежному фарватеру для транспортов с осадкой не более 8 метров. Фарватер № 58 был расширен на 2 мили к северу и 5 миль к югу для того, чтобы конвои могли идти по нему курсом зигзага и переменными ходами. Другим следствием атаки (впрочем, не только С-13, но и атаки Л-3 4 февраля) стал отказ от использования крейсеров для артподдержки сухопутных войск за пределами хорошо охраняемой Данцигской бухты – теперь туда посылались только эсминцы и миноносцы.

Что же касается реакции высших штабов и тем более руководства Третьего рейха во главе с А. Гитлером, то она фактически отсутствовала (док. № 6.11). Не подтвердили историки ГДР и факт объявления трехдневного траура (док. № 7.8), а также внесения Маринеско в якобы существовавшую книгу личных врагов фюрера. Это объяснялось тем, что потеря

лайнера, пусть даже крупного, не «потрясла гитлеровский рейх до основания», поскольку он и так в тот момент трещал по швам. Гибель большого числа беженцев была прискорбна, но не более того. Вопрос же о гибели подводников при разборе катастрофы на самом верху, как видно из немецких документов, и вовсе не комментировался. И это неудивительно. Из 390 погибших курсантов 2-й учебной дивизии подплава нельзя было сформировать ни одного экипажа подводной лодки, поскольку все они нуждались в по меньшей мере полугодичном курсе подготовки, а ее окончание, с учетом перспектив Третьего рейха, выглядело весьма сомнительно. Из 16 погибших офицеров мало кто был пригоден для службы в подводном флоте даже потенциально. В их число входили 8 фейнрихов[5] медицинской службы, 3 лейтенанта (в том числе два морской службы), 3 обер-лейтенанта (также два морской службы) и 2 капитан-лейтенанта морской артиллерии.

Впрочем, с потоплением «Густлофа» поход С-13 не окончился. Подлодка продолжила действия на позиции, а немецкое командование никак не могло этому помешать. В ночь на 3 февраля «эска» имела контакт с конвоем и отрядом боевых кораблей, оба из которых запросили опознавательные, после чего Маринеско отказался от атаки. Конвой об этом случае не доложил, а вот ОБК сделал сообщение. Как оказалось, в его состав входил легкий крейсер «Эмден», перевозивший гроб фельдмаршала Гинденбурга из Пиллау в Киль. С учетом последующей ошибки с идентификацией «Штойбена» факт примечательный. Интересно отметить, что, хотя описание обоих контактов были и в вахтенном журнале, и журнале боевых действий С-13, в свое донесение о походе Маринеско их не включил, очевидно, как «не заслуживающие внимания».

Вечером того же дня «эска» была обнаружена вражеской радиоразведкой, но посланное на поиски звено охотников вернулось ни с чем. Утром 6 февраля Маринеско обнаружил субмарину без хода, но вместо атаки решил произвести маневр уклонения. Из донесения не ясно, что заставило совершать циркуляцию вместо срочного погружения, но в процессе совершения маневра подлодки сблизились на 2 кабельтова (по немецким данным, даже на 100 метров). Немцы с учебной U-1303 запросили опознавательный и, не получив ответа, открыли огонь из 20-мм автомата. Они хорошо видели С-13 и даже подробно описали ее (пушка на баке, высокая рубка с тумбой, сетепрорезатель), но поразить не смогли. Утром 7 февраля С-13 была замечена с другой учебной субмарины – U-2345, но «немка» уклонилась погружением настолько быстро, что с нашей подлодки ее не заметили.

Наконец, поздно вечером 9 февраля был обнаружен конвой, включавший крупную единицу, которую Маринеско определил как крейсер типа «Эмден». В этом случае (док. № 6.12) боевое маневрирование осуществлялось в куда более сложных по сравнению с 30 января условиях. Корабль шел с большой скоростью (около 16 узлов), переменными курсами, в условиях плохой видимости и с погашенными, за исключением гакобортных, огнями. Его эскорт составляли старый миноносец Т-196 и учебный торпедный корабль TS-1 (перестроенный тральщик проекта М-40). Два часа Маринеско маневрировал, зная о присутствии врага только благодаря данным гидроакустической станции. Преследовать лайнер пришлось на скоростях от 12 до 18 узлов, периодически уменьшая ход для использования шумопеленгатора. После того как курс и скорость цели были приблизительно определены, командир «эски» предпринял попытку атаковать ее со стороны берега, но в процессе совершения маневра небо очистилось от облаков, и теперь Маринеско пришлось уходить в темную часть горизонта со стороны моря. На эти перемещения ушел еще час и 40 минут. Лишь последние 40 минут, в течение которых осуществлялся выход на носовые курсовые углы судна, командир наблюдал его визуально, уточняя элементы движения цели, осуществлял расчет данных для торпедной атаки. По продолжительности преследования и проявленной

[5] *Фейнрих* – самый низкий офицерский чин в германской армии.

командиром настойчивости данный эпизод, по-видимому, не имел аналогов в нашем подводном флоте за все время войны. Атака была осуществлена настолько скрытно, что командир немецкого конвоя предположил, что охраняемое судно – а им оказался транспорт для перевозки раненых «Штойбен» – подорвалось на мине, и лишь позднее в береговом штабе пришли к выводу, что истинной причиной стала торпеда подводной лодки. Из-за сильного охранения залп был произведен с дистанции 12 кабельтовых из кормовых аппаратов, где имелось лишь две торпеды. Попала одна из них, но и ее оказалось достаточно, чтобы переборки старого лайнера не выдержали. Уже через 5 минут судно имело большой крен, а спустя полтора часа – затонуло.

И в этом случае потери пассажиров судна составили весьма внушительную цифру, но никаких претензий к Маринеско за выбор его в качестве цели не могло быть. Хотя «Штойбен» значился транспортом для перевозки раненых, статус охраняемого Женевской конвенцией госпитального судна на него не распространялся, поскольку лайнер был камуфлирован и нес малокалиберные зенитные автоматы. Ранее он ими пользовался, в частности 10 октября 1944 г., когда в аванпорту Либавы подвергся атаке нашей авиации. Вместе с тем факт наличия подобного вооружения не дает оснований называть его «вспомогательным крейсером», как это делали и делают некоторые отечественные писатели и журналисты. Таким же вымыслом является утверждение, что в момент торпедирования он перевозил воинскую часть, а не почти 3 тысячи раненых (см. примечание к док. № 6.14).

Нелишним будет заметить, что потеря «Штойбена» была для немцев гораздо болезненнее, чем потеря «Густлофа». Из-за катастрофической нехватки тяжелого дизельного топлива «Густлоф» в дальнейшем планировалось использовать в качестве плавучей казармы, поставив на прикол в Киле. «Штойбен» по состоянию на конец января был одним из двух лайнеров, использовавшихся для быстрой транспортировки раненых из Данцигской бухты на Запад. В начале февраля немцы один за другим потеряли оба этих судна: сначала «Берлин» (подорвался на британской мине 31 января, на следующий день затонул на мелководье, после войны поднят и введен в строй как «Адмирал Нахимов», погиб в катастрофе у Новороссийска в 1986 г.), а затем и «Штойбен». В общем, как это ни парадоксально, ценность для противника «Штойбена» и «Густлофа» оказалась обратно пропорциональной их размерам.

В качестве причин нового успеха С-13 германское командование определило недостаточное использование командиром конвоя возможности уклонения к северу в границах расширенного фарватера № 58 (фактически конвой шел по тому же маршруту, что и «Густлоф»), а также недостаточность охранения. Уже вечером 10 февраля штаб 9-й дивизии кораблей охранения издал инструкцию по проводке крупных судов, которой требовалось придавать им не менее четырех эскортных кораблей, причем не менее двух из них должны были иметь работающие гидролокаторы, один – радиолокационную станцию и один – быстроходный подсекающий трал. Также предусматривались меры по снижению эффективности радиоразведки – переход на волны УКВ-диапазона (ранее использовались ДВ и КВ), а также введение кодовых названий для крупных судов.

В ночь на 13 февраля в связи с израсходованием запасов топлива С-13 начала возвращение в базу, куда прибыла спустя двое суток. В общей сложности за время похода «эска» имела 12 встреч с достойных торпед целями. Две из них, как известно, были успешно отправлены на дно. В двух случаях (атаки из подводного положения) лодка оказывалась вне предельного курсового угла атаки из-за плохого наблюдения вахтенного офицера (так считал комдив Орел; в обоих случаях вахтенным был командир БЧ-2-3 капитан-лейтенант Василенко). В одном случае (атаки из подводного положения) цель упущена из-за плохой видимости, в одном случае (также из-под воды) – не смогли атаковать из-за внезапного поворота транспорта на подлодку и вынужденного погружения. В остальных шести случаях ночных

надводных атак немцы обнаруживали С-13 до того, как она успевала выпустить торпеды и запрашивали опознавательные, причем в двух из них, не получив ответа, обстреливали.

Возвращаясь к основной теме нашего повествования, можно уверенно сказать следующее – в этом походе Маринеско необычайно повезло. Это везение заключалось в следующих моментах:

1. Удачная позиция С-13, куда штаб БПЛ направил Маринеско и которая перехватывала пути из Данцигской бухты на Запад. Только по этой коммуникации перемещались конвои, включавшие лайнеры с весьма символическим охранением. Если бы «эску» отправили на позицию к Либаве, куда ходило большинство подлодок КБФ, боевых успехов, по крайней мере такого масштаба, Маринеско добиться бы не смог.

Выполнение главной задачи БПЛ – блокирование курляндской группировки – в январе 45-го осуществлялось не слишком успешно. Статистика такова: из Данцигской бухты в порты Курляндии прошло 79 конвоев, из которых только четыре были атакованы нашими подлодками, – все безуспешно. 80-й конвой имел бой с «эской» С-4 – подлодка потоплена, конвой, хотя потерь и не понес, был вынужден вернуться из-за повреждения таранившего корабля охранения. Из портов Курляндии в Данцигскую бухту прошло 67 конвоев. Имели место две безрезультатные атаки наших лодок. Из Либавы в Виндаву прошло 17 конвоев, в обратном направлении – 23 конвоя. И те и другие по разу были атакованы лодками и тоже без успеха. Правда, на минной постановке Л-3 подорвался и затонул транспорт «Генри Лютгенс».

2. Очень удачное время похода С-13. Состоись он двумя неделями раньше или позже, вряд ли можно было рассчитывать на такой успех, поскольку только в конце января осуществлялась операция «Ганнибал», вывод ремонтирующихся кораблей и массовая эвакуация первых волн беженцев из Восточной Пруссии. В ночь атаки в море на удалении нескольких часов хода от С-13 в пределах одного узкого фарватера находились тяжелый крейсер и 6 лайнеров тоннажем более 10 тысяч брт каждый! Вряд ли какой-то другой командир нашего подводного флота попадал в такую «овчарню».

3. Наличие в море большого числа немецких субмарин значительно облегчало действия С-13, поскольку не давало возможности вражеским кораблям применять оружие сразу же после обнаружения лодки. На это же обратил внимание комдив Орел (док. № 6.3), писавший, что корабли противника *«действуют против наших ПЛ нерешительно, демаскируют себя запросами, в атаках медлят, что в большинстве случаев и позволяет нашей ПЛ отрываться в надводном положении».*

4. Из-за поломки руля на лайнере «Ганза» конвой 2-й учебной дивизии ПЛ сильно сократился в составе, что значительно упростило условия атаки, так как многочисленный конвой, сопровождаемый несколькими кораблями охранения, атаковать всегда сложнее и опаснее.

5. «Густлоф» в момент атаки шел практически без охранения – TF-1 из-за течи вернулся в порт, а «Лёве» отстал настолько, что с С-13 его даже не видели.

Конечно же никакое везение не помогло бы, если бы свой вклад в успех не внесли экипаж «эски» и сам Маринеско. Не в пример предыдущему и последующему походам командир С-13 действовал очень активно и сильно рисковал собой и командой – ведь не мог он знать о немецких ограничениях на применение оружия в отношении подлодок. Несомненно, что добиться своего выдающегося успеха Александру Ивановичу поспособствовала очень сильная мотивация – знание, что его дело будет рассматриваться военным трибуналом с учетом результатов похода.

Реальность обошла самые смелые надежды командира С-13 – после возвращения из похода речь о трибунале даже не заходила. Впрочем, он и не требовался – в январе кривая нарушений на бригаде наконец-то пошла вниз. После 39 самовольных отлучек в декабре,

в январе их стало 18, в феврале и марте по 8, в апреле – 6. Новый скачок – 21 за месяц – пришелся на май, но это уже совсем другая история, и мы к ней еще вернемся. Что касается персонально Маринеско, то достигнутый им успех покрыл все старые счета. Уже 19–20 февраля благодаря публикациям в финской прессе штабу бригады стало ясно, что Маринеско вернулся из похода с нетривиальными достижениями. В годы войны крайне редко удавалось установить название потопленных нашими силами судов и тем более перевозимый ими груз. Как правило, этим занимались послевоенные историки, причем работа по установлению истинных результатов боевой деятельности нашего подводного флота растянулась на многие годы и в основном завершилась лишь к концу первого десятилетия XXI в. Но не в случае с Маринеско. Хотя «личность» второго уничтоженного корабля окончательно была установлена лишь спустя примерно 10 лет после атаки, потопление «Густлофа» было сразу же занесено на его счет. Но еще значимее, чем потопление двух судов, казалась гибель 3700 вражеских подводников. Откуда взяли эту цифру шведские и финские журналисты – тема для отдельного расследования, у наших же офицеров она не вызвала ни малейшего сомнения, как не вызывала и любая заметка в средствах массовой информации Советского Союза. Успех казался уникальным, из ряда вон выходящим, и потому нет ничего удивительного в том, что непосредственный начальник Маринеско капитан 1-го ранга А. Е. Орел подготовил представление на присвоение высшей награды СССР – звания Герой Советского Союза. Впрочем, этот факт не помешал некоторым публицистам назначить Александра Евстафьевича Орла на должность «злого гения», гонителя народного героя. А ведь на самом деле с его стороны это был поступок, тем более если он предварительно проговаривал этот вопрос с командованием бригады и знал его отношение к награждению. Впрочем, поскольку штаб бригады и штаб 1-го дивизиона находились в разных пунктах Финляндии, вполне возможно, что никакого предварительного обсуждения и не было и Орел просто поступил так, как ему подсказывал воинский долг командира.

Изучим этот весьма примечательный документ (док. № 6.16). За что именно Маринеско, по мнению А. Е. Орла, должен был получить высшую награду Родины?

1. За отличное выполнение боевых заданий командования – А. И. Маринеско в должности командира подводной лодки воевал с первого дня войны, в 1942 г. награждался орденом Ленина, а в 1944 г. – орденом Красного Знамени.

2. За мужество и отвагу, проявленные при уничтожении трех транспортов и крейсера типа «Эмден».

3. За уничтожение 3700 специалистов подводников, чем, по мнению А. Е. Орла, был *«нанесен непоправимый удар по подводному флоту фашистской Германии, так как при потоплении погибло такое количество подводников, которого было бы достаточно для укомплектования 70 подводных лодок среднего тоннажа».*

Примечательно, что в представлении отсутствовали такие обязательные для того времени моменты, как преданность делу Ленина-Сталина и дисциплинированность, – комдив не стал кривить душой. По этой или по какой-то иной причине решение, принятое непосредственным начальником Орла временно исполнявшим обязанности комбрига (комбриг в этот момент находился в боевом походе на борту Щ-309) капитаном 1-го ранга Л. А. Курниковым, предусматривало награждение, но не «Золотой Звездой» Героя, а всего лишь орденом Красного Знамени. Награждался орденами либо медалями и весь личный состав С-13 (приложение № 4), но степень наград также понижалась. В частности, офицеры подлодки представлялись к орденам Ленина, а врио комбрига утвердил им [орден] Красного Знамени. Эти решения некоторые горе-публицисты приписывают командующему Балтфлотом Трибуцу, чем демонстрируют то, что никогда в глаза не видели представлений и стоявших там подписей. Зачем же заниматься сочинительством? Подпись Трибуца стояла под составленным в марте того же года представлением на присвоение С-13 звания краснознаменной (док.

№ 6.17). Представление на Героя на Маринеско и представление к награде подлодки содержат немало текстовых повторов, так почему же исполняющий обязанности командира бригады решил высоко наградить корабль, но понизить ранг награды для его командира?

К сожалению, ход рассуждений Курникова мы восстановить не можем, а в документах мотивы данного решения не объясняются. По всей вероятности, Лев Андреевич предпринял попытку донести свою точку зрения в мемуарах, рукопись которых в 1991 г. – то есть на следующий год после награждения Маринеско званием Героя, – была сдана в «Воениздат». Издательство мемуары не напечатало, но с рукописью поработало на славу – семь страниц, посвященных подвигу С-13 и судьбе Маринеско, были заменены двумя страницами общих слов от редактора, так что, выйдя в свет в 2012 г., через 15 лет после смерти автора, мемуары Курникова не привнесли в исследование нашей темы ничего нового. В то же время ряд документов (в частности, док. № 6.26, 6.33, 7.3) содержат ссылку на то, что награждение Маринеско званием Героя в феврале 45-го было не отклонено, как утверждалось ранее всеми историками и писателями, а всего лишь отложено рассмотрением до возвращения из следующего похода. Логику подобного решения понять несложно – в январе ты «геройствовал», чтобы избежать суда, а теперь тебе предоставляется возможность совершить подвиг не за страх, а за совесть. Вернись из очередного патрулирования с подобным результатам – и будешь заслуженным героем![6]

Не ясно, как именно Маринеско отреагировал на подобный вердикт, тем более что в его исповедях, добросовестно записанных А. Кроном, ни о каких нюансах в вопросе о награждении не говорилось: отклонили – и точка. Писатель и его герой сконцентрировали свое внимание на реакции на это решение[7], но она, по всей видимости, относилась к уже следующему этапу, начавшемуся в конце мая 45-го и продолжавшемуся вплоть до момента окончания службы Александра Ивановича на флоте. Фактом остается то, что между февралем и апрелем командир С-13 не допускал серьезных дисциплинарных проступков, что с учетом его характера и наклонностей было делом довольно непростым. Правда, отвлечением от потакания дурным привычкам мог стать автомобиль марки «Форд», якобы купленный Маринеско в Финляндии. Об этом приобретении сам герой рассказывал А. Крону, но некоторые соображения заставляют усомниться в том, что это реально имело место. Во-первых, тому нет никаких документальных свидетельств, а поверить в то, что машина не «засветилась» бы ни в одном эпизоде «отдыха» Александра Ивановича на берегу в период всей его последующей службы, довольно сложно. Во-вторых, и в-главных, непонятно, кто, когда и как научил Маринеско управлять машиной. В то время автомобили, тем более личные, были для СССР редкостью. Учиться их водить в Финляндии было негде, да и с законными способами добыть горючее были бы проблемы. В-третьих, зачем он потребовался командиру

[6] Не исключено, что в сформировавшемся у Л. А. Курникова отношении к Маринеско в определенном смысле сыграли роль и личные мотивы. Дело в том, что в 1937 г. по персональному делу Курникова, занимавшего на тот момент должность командира подводного минного заградителя Л-8, заседала комиссия Тихоокеанского флота с участием командующего флотом Н. Г. Кузнецова. Курникову инкриминировались систематическое пьянство, за что он в 1933 г. был исключен из рядов ВКП(б), халатное исполнение служебных обязанностей, аполитичность и сокрытие факта ареста родственника органами НКВД. Комиссия приняла решение оставить Курникова в Вооруженных силах, сделав последнее предупреждение. По всей видимости, оно подействовало, поскольку спустя несколько месяцев офицер получил очередное звание и должность, а в годы войны никаких претензий со стороны политорганов за личное поведение к Курникову не имелось. Сумев преодолеть пагубную привычку, Лев Андреевич, по-видимому, считал себя вправе требовать того же и от других.

[7] «Легче всего предположить, что Александр Иванович обиделся за недооценку своих заслуг, а обидевшись, пустился во все тяжкие, стал выпивать, грубить и нарушать дисциплину. Понимать его так – значит очень упрощать этот сложный характер. Конечно, он был обижен, но не за то, что «мало дали», а за то, что припомнили старое. «И команде скостили, а она-то при чем?» – говорил он мне. Вины он с себя никогда не снимал, хотя и считал, что январский поход – достаточное искупление всех его прошлых провинностей. Он знал случаи, когда высшие награды получали настоящие штрафники, осужденные за тяжкие преступления, и недоумевал. Концы с концами не сходились, и ответа на свои недоуменные вопросы он ни у кого получить не смог (*Крон А. А.* Указ. соч. С. 135).

корабля, тоже не совсем понятно. Нужно быть очень бесшабашным, чтобы вкладывать немалые деньги в покупку, практическая надобность в которой весьма сомнительна.

Поэтому в качестве реального стимула для воздержания нам более вероятным, чем автомобиль, представляется отложенная награда. Все должно было решиться по возвращении из следующего похода. Оно и решилось, но, увы, не в пользу нашего героя.

За поход, совершенный С-13 между 20 апреля и 23 мая 1945 г., Маринеско получил оценку «неудовлетворительно». Если верить документам, причиной этого стало не то, что он разочаровал начальников, не добившись новых побед (гипотеза А. Крона, подхваченная всеми последующими апологетами Маринеско), а то, как действовал бывалый командир-подводник в конкретных боевых ситуациях. Само по себе отсутствие побед никогда никем и ничем не каралось. Если на разборе похода выяснялось, что командир осуществлял поиск правильно, при встречах с противником использовал любую возможность для атаки, но не мог реализовать ее по не зависящим от него причинам, то на удовлетворительную оценку своих действий он всегда мог рассчитывать. А что же произошло в этом случае?

Мы не станем пересказывать содержание критических замечаний – все они изложены в заключении комдива А. Е. Орла (док. № 6.23). Собственное впечатление об их справедливости может составить каждый, кто возьмет на себя труд посвятить 10 минут попыткам вычертить маневрирование С-13 в конкретных боевых эпизодах. И куда девалась та предприимчивость и напористость, с которой Маринеско преследовал «Густлоф» и «Штойбен»? Их не наблюдалось, и в результате из семи описанных в донесении командира случаев встреч с достойными торпед целями одна возможность была упущена по техническим причинам, а остальные шесть – из-за неправильного маневрирования самого «подводника № 1».

Справедливости ради нужно отметить, что до первых чисел мая обстановка в Центральной Балтике по сравнению с концом января – началом февраля была заметно сложнее. С одной стороны, в результате мощных ударов наших сил, в первую очередь морской авиации, судоходство противника серьезно сократилось в объеме. С другой – после предыдущих успехов наших подлодок, в особенности двух впечатляющих побед самой же С-13, неприятель предпринял серьезные шаги, направленные на усиление обороны коммуникаций. Не случайно в апрельском походе в ночное время действиям «эски» препятствовали немецкие противолодочные самолеты, оснащенные радиолокационными станциями. В то же время многочисленные ссылки на атаки немецких подлодок на С-13 не имеют под собой реальной почвы – с марта 45-го немцы прекратили боевые действия своих субмарин на театре, да и ранее они никогда не направляли их в боевые походы в южную часть Балтики. Но даже если бы все это существовало в действительности, оно никак не могло объяснить пассивности в поведении самого командира нашей подлодки. Что же могло стать ее причиной?

В своей «исповеди» Крону Маринеско ушел от ответов на вопросы, связанные с последним походом. После этого писатель самостоятельно домыслил сюжет о самодуре обеспечивающем – начальнике отдела подводного плавания штаба КБФ контр-адмирале А. М. Стеценко, который на протяжении всего плавания вмешивался в командование кораблем, что помешало командиру С-13 добиться новых побед[8]. Никакими свидетельствами эта гипотеза не подтверждалась, напротив, из общения с одним из ветеранов бригады были почерп-

[8] «Почему в этом последнем походе «С-13» ни разу не вышла в атаку? Об этом пусть судят специалисты. Сам Александр Иванович от ответа на этот вопрос уклонялся. Нетрудно понять почему. Как сложились отношения между ним и ныне покойным контр-адмиралом, мы не знаем и никогда не узнаем, все споры, а они несомненно были, происходили с глазу на глаз в командирском отсеке, при задраенных переборках, и до экипажа доносились только слабые отзвуки. Пересказывать эти споры, даже в доверительной беседе, Александр Иванович считал некорректным. В случае настоящего конфликта у него было предусмотренное уставом право – записать в корабельный журнал, что он снимает с себя командование. С этого момента экипаж выполнял бы только указания старшего начальника. Такой записи сделано не было, а кивать на других, вышестоящих или нижестоящих, было не в правилах Маринеско, он привык всю ответственность брать на себя (*Крон А. А.* Указ. соч. С. 136).

нуты сведения прямо противоположного характера: Стеценко и Маринеско являлись хорошими знакомыми как минимум с 1942 г., когда Андрей Митрофанович Стеценко командовал бригадой подлодок. Не стоит забывать, что именно он подписал представление на бывшего командира М-96, чтобы того наградили за единственную победу орденом Ленина. Не получал при нем Маринеско и серьезных дисциплинарных взысканий. В последнем же походе, по словам ветерана, Стеценко если и мешал Маринеско, то только предложениями «вспомнить былое» в каюте командира… Так это было или не так – сейчас утверждать никто не возьмется, но факт остается фактом – награждать после последнего похода Александра Ивановича было не за что.

По-видимому, особое раздражение командования КБФ при подведении итогов крейсерства «эски» вызвал тот факт, что подлодка не добилась никаких успехов в тот момент, когда противник осуществлял массовую эвакуацию войск из Курляндии и своих прижатых к морю анклавов на берегах Данцигской бухты. С 6 по 11 мая авиаразведка КБФ регулярно докладывала о нахождении в море десятков кораблей и судов, которые следовали на Запад как в составе конвоев, так и самостоятельно, что называется, «на честном слове и на одном крыле». До вечера 8 мая С-13 находилась в районе банки Штольпе, перехватывая тем самым коммуникацию из Данцигской бухты, а в ночь на 9 мая перешла на подходы к Либаве и Виндаве, из которых вечером 8-го – утром 9-го вышло шесть конвоев (в общей сложности 139 вымпелов), вывозивших в Германию 25,7 тысячи солдат курляндской группировки. Их переход благодаря радио– и авиаразведке также не остался тайной для командования Балтфлотом. Кроме подлодок на подходах к портам были развернуты сторожевые и торпедные катера, которым удалось потопить, захватить или вернуть в пункты выхода около десятка плавсредств. Ссылки на отсутствие движения в районе позиции С-13 были настолько неправдоподобными и неубедительными, что командование КБФ пошло на беспрецедентный шаг. Уже 30 мая начальник штаба флота контр-адмирал Александров довел до бригады оценку, выставленную комфлотом «эске» за поход, причем поставлена она была еще до того, как разбор патрулирования был осуществлен Орлом и ставшим с 12 апреля командиром БПЛ Л. А. Курниковым (док. № 6.24 и комментарий к нему). После такого командованию бригады не оставалось ничего иного, как подтвердить вывод вышестоящей инстанции. Впрочем, детальный разбор, произведенный Орлом, как мы видели выше, лишь добавил поводов для критики.

Но и это еще не все, что вскрылось при знакомстве с архивными документами. При детальном изучении ЖБД С-13 можно найти ряд эпизодов, на которые командование не обратило внимания или решило закрыть глаза. Так, в 03:40 9 мая сигнальщик подлодки, находившейся в надводном положении, наблюдал конвой из 18 мелких судов (тральщики, сторожевые катера, БДБ) с включенными ходовыми огнями, но командир уклонился от него изменением курса. Еще одна встреча – на этот раз с тремя малыми кораблями, которые также несли ходовые огни, имела место в 00:42 10 мая. В донесении Маринеско эти контакты вовсе не упоминались и причины отказа от атак не указывались. Далее, в 21:14 19 мая «эска», находившаяся на позиции восточнее Борнхольма, легла на курс 0°, которым прошла 74,5 мили, то есть ушла за пределы позиции в направлении базы. Продолжая двигаться и дальше этим курсом, по состоянию на 23:15 20 мая субмарина находилась в точке 57°11′3 с. ш. / 17°44′6 в. д., то есть между шведскими островами Эланд и Готланд. И только в 00:10 21 мая на ее борту было получена радиограмма из штаба бригады с приказанием следовать «домой». Иными словами, Маринеско покинул позицию без приказа, что вряд ли простительно даже с учетом окончания военных действий.

23 мая С-13 ошвартовалась в Турку. С этого момента события начали развиваться со все возрастающей скоростью и, к сожалению, не в пользу Александра Ивановича. Все выглядело так, словно он стремился наверстать все упущенное в феврале, марте и апреле. В доку-

ментах занудно перечисляются его многочисленные прегрешения: самовольно отсутствовал на корабле с 22 часов 26 мая до 8 часов 27 мая, затем с 16 часов 30 мая до 11 часов 31 мая, неоднократно выпивал на борту. В тот же день А. Е. Орел был вынужден написать рапорт (док. № 6.26), в котором впервые в отношении Маринеско прозвучало предложение уволить в запас. Что же было поводом для многочисленных выпивок? Радость за долгожданную Победу, желание расслабиться после продолжительного напряжения военных лет или обида за несостоявшееся награждение? Возможно и то, и другое, и третье. Но именно третью причину в качестве основной упоминают, по крайней мере, А. А. Крон и Н. Г. Кузнецов. Но разве это достойно настоящего командира и патриота – воевать не за долг защитника Отечества, а за награды? Не радоваться за общую Победу, а смаковать личную обиду?

Следует признать, что Александр Иванович был не единственным, кто «расслаблялся» в те дни (док. № 6.25), – количество самовольных отлучек в мае на БПЛ выросло до 21, – но так получилось, что его имя снова оказалось в «передовиках» среди нарушителей. И снова, как и в декабре, перед командованием и политотделом бригады встал непростой вопрос по части выбора мер к недисциплинированным воинам. Впрочем, по сравнению с концом 1944 г. ситуация упрощалась тем, что необходимость ходить в боевые походы отпала, и такие факторы, как падение боеспособности экипажа в связи со сменой командира, теперь не играли былой роли. А значит, командование могло себе позволить поступать по отношению к нарушителям так, как того требовали дисциплинарный устав и Уголовный кодекс, невзирая на предыдущие заслуги. Справедлив ли был такой подход по отношению к подчиненным, включая тех, кто имел боевые заслуги? С нашей точки зрения, в целом да. Ибо армия, состоящая из бойцов, нарушающих дисциплину, перестает быть армией, а личный пример командира – а Маринеско был не просто военнослужащим, а командиром корабля – не может не влиять на подчиненных.

Кроме того, Маринеско своим примером оказывал влияние не только на поведение команды, но и на поступки офицеров всей бригады. За собутыльничество с ним пострадали несколько командиров подлодок и его друг М. И. Лобанов (док. № 6.27, 6.28, 6.31), до того уже наказывавшийся за пьянство и пытавшийся стать на путь исправления. Все они получили дисциплинарные взыскания с учетом тяжести и частоты своих поступков.

Нелепы ссылки некоторых апологетов Маринеско на то, что наказания по отношению к нему осуществлялись в особом порядке, с какой-то изощренной жестокостью. Ближайший к «подводнику № 1» по уровню дисциплинированности среди командиров подлодок – И. П. Попов – 28 февраля был исключен из ВКП(б), а после самовольной отлучки 17 мая командование бригады возбудило ходатайство перед Военным советом КБФ о снятии его с должности командира подлодки, списании с бригады и снижении в звании. Военный совет удовлетворил прошение бригады лишь частично – данный офицер был переведен на преподавательскую работу в ВМУ имени Фрунзе, но без понижения в звании. При этом следует отметить, что по результатам последнего похода в апреле 1945 г. Попов доложил о потоплении легкого крейсера и тральщика противника, за что 26 мая был награжден орденом Красного Знамени, но этот факт не стал в глазах командования индульгенцией, искупающей пьянство и развратное поведение на берегу.

Находятся и те, кто педалируют тему зависти к народному герою, в частности озлобление командования за то, что при переводе С-13 из Турку в Лиепаю в начале июля 1945 г. купленный якобы в Финляндии «форд» не был брошен или продан Маринеско по дешевке, как об этом мечтали завистники, а был перевезен в новую базу на палубе подводной лодки (в некоторых вариантах легенды «эска» буксировала его за собой на специально для этой цели построенном плотике). Тут мы полностью согласны с капитаном 1-го ранга В. Д. Доценко, который в своей книге «Мифы и легенды Российского флота» дал по данному поводу следующий комментарий: *«… это действительно несовместимо с морской культурой, а точнее,*

это несоблюдение элементарных правил службы на подводных лодках. Уважающий себя командир подводной лодки никогда бы не допустил такой выходки, ведь это противоречит требованиям Корабельного устава – важнейшего на флоте документа. Командир обязан не только сам его соблюдать, но и требовать этого от своих подчиненных». И действительно, такая перевозка – если она имело место на самом деле – резко меняла дифферентовку, характеристики остойчивости и маневренности корабля. В условиях недавно окончившихся на Балтике военных действий и сложной минной обстановки это был ничем не оправданный риск. Интересно отметить, что в своих рассказах Крону Маринеско обошел тему транспортировки автомобиля в Лиепаю молчанием. Что это – косвенное признание того, что на самом деле никакого «форда» он не приобретал, или подспудное понимание того, что таких поступков стоит стыдиться, а не хвастаться ими?

Наказание за реальные, а не вымышленные проступки последовало сразу вслед за трехсуточным загулом, длившимся с 30 июля по 1 августа (док. № 6.31). Уже через три дня решением Военного совета КБФ Александр Иванович был временно отстранен от должности командира подлодки, а на заседании парткомиссии получил строгий выговор с предупреждением и занесением в учетную карточку (док. № 6.30). За этим последовали подготовленные в штабе бригады представление на демобилизацию и досрочная аттестация (док. № 6.32, 6.33). Но и после этого командующий КБФ адмирал В. Ф. Трибуц, которому имя Маринеско к тому времени, несомненно, уже было хорошо известно, не стал увольнять его с флота, а ограничился лишь понижением в воинском звании и переводом в другое соединение (примечание к док. № 6.32).

Следовало ли проявить к офицеру какой-то особый подход с учетом былых заслуг? Да, следовало, и с нашей точки зрения он и был проявлен – ведь Маринеско могли просто уволить со службы и отдать под суд, поскольку совершенные им деяния четко подпадали под статьи тогдашнего Уголовного кодекса. Ничего этого сделано не было. Согласно рассказу Маринеско Крону, после всего этого он сгонял на «форде» из Либавы в Москву, где встречался с самим наркомом ВМФ Н. Г. Кузнецовым. Видимо, слухи об этом еще в 60-х гг., то есть до публикации первого издания книги Крона, достигли ушей самого Николая Герасимовича, который в своей статье (док. № 7.4) прямо опроверг факт личной встречи с офицером. Да и что тот мог сказать наркому? Просить или требовать награждения его званием Героя? В очередной раз неискренне признать свои ошибки и дать заведомо невыполнимые обещания исправиться? Для чего? Чтобы прослужить лишних неделю-две до следующего крутого загула? Это не имело практического смысла, и потому в реальной жизни «оболганный и несправедливо наказанный» Маринеско подал рапорт на увольнение по собственному желанию, который с учетом его болезненного состояния был немедленно удовлетворен (док. № 6.36). Впрочем, добровольность принятого решения нимало не мешает многим публицистам и журналистам до сегодняшнего дня утверждать, что Александр Иванович был незаслуженно уволен по чьей-то злой воле. Создатели снятого в 2008 г. документального фильма «Александр Маринеско» пошли еще дальше, поставив в дикторский текст такую фразу: «В ноябре 1945 г. его (Маринеско. – *Сост.*) увольняют с Военно-морского флота за халатное отношение к службе и аморальное поведение и понижают в звании до старшего лейтенанта, в должности – до командира тральщика». Правда, как можно понизить в должности до командира тральщика, одновременно уволив с флота, авторы фильма не поясняют.

К сожалению, так случилось, что составителям сборника удалось найти очень мало документов, освещающих жизнь «подводника № 1» после увольнения с военной службы. Все найденные и заслуживающие доверия факты сведены нами в приложение № 1 – хронологию жизни героя. Будем надеяться, что ряд материалов об этом периоде его жизни пополнит последующие издания труда. Хотя эти факты и не имеют прямого отношения к боевой карьере Александра Ивановича, при помощи их, возможно, удалось бы пролить свет на мно-

гие примечательные, но не до конца ясные моменты. Например, проходил ли Маринеско медицинское обследование при увольнении или сразу после увольнения со службы, и если да, то какой диагноз ему был поставлен? Если он проходил какой-то курс лечения, то какой, когда и где? Какими были его служебные характеристики в период работы на судах Балтийского государственного морского пароходства? Что стало причиной и кто был инициатором увольнения оттуда? Все это помогло бы составить независимое от флотских инстанций мнение о состоянии здоровья и трудовой дисциплине нашего героя. Но эти документы пока не введены в научный оборот никем, включая родственников и апологетов Александра Ивановича, что дает пищу для подозрений, что и в них могут содержаться факты, отнюдь не украшающие народного героя.

Ощущение это усиливается при знакомстве с теми немногочисленными свидетельствами, которые лежат на поверхности. В частности, дело об осуждении Маринеско в декабре 1949 г. к тюремному заключению сроком на три года. В своем романе А. Крон довольно подробно, со слов Маринеско, повествует о его конфликте с директором Института переливания крови и той, выражаясь современным языком, «подставе», которую он организовал своему завхозу. Допустим, что все сказанное Александром Ивановичем было чистой правдой. Но осудили Маринеско не только за хищение торфяных брикетов и присвоение принадлежащей институту кровати стоимостью 543 рубля. В деле также фигурировали три прогула без уважительных причин, допущенные в течение одного лишь ноября 1949 г. Следует подчеркнуть, что на тот момент продолжали действовать статьи указа Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1940 г. «О переходе на восьмичасовой рабочий день, на семидневную рабочую неделю и о запрещении самовольного ухода рабочих и служащих с предприятий и учреждений». Судить уголовным судом за прогулы в Советском Союзе перестали лишь в 1956 г. На основании действовавших на тот момент законов и было произведено осуждение. Но что остается непонятным, так это линия поведения самого Маринеско. Обычно при возникновении сложных отношений с руководством человек стремится сменить место работы, а при невозможности сделать это старается вести себя безупречно. Александр Иванович же вместо этого допускает три прогула в течение месяца. Что это? Недооценка опасности или привычка к определенному стилю жизни, которая стала сильнее инстинкта самосохранения?

Так или иначе, но Маринеско был осужден и отправлен в лагерь, но за примерное поведение освобожден, не отсидев и двух лет. Судя по твердому и аккуратному почерку его писем к жене, продемонстрированных в вышеупомянутом документальном фильме, на зоне он не был сломлен ни духовно, ни физически. После освобождения работал в топографической экспедиции, а после смерти Сталина по небезызвестной «бериевской амнистии» судимость с него была снята. Это не только открыло дорогу для возвращения в Ленинград, но и дало надежду на восстановление в кадрах ВМФ. Как это ни покажется парадоксальным, но, став военным моряком не по доброй воле, Александр Иванович, пока служил, мечтал о жизни на гражданке, но после увольнения в запас, если верить признаниям, сделанным им А. Крону, стал скучать по службе на подлодках.

О попытке восстановиться на флоте публицисты и журналисты упоминают крайне редко, пишут о каких-то малозначительных деталях, но не дают ответа на главный вопрос: почему это «второе пришествие» так и не состоялось? Ссылки на «бдительный политотдел» малоубедительны – люди там за прошедшие после войны годы сменились, имя Маринеско там было мало кому известно, если известно вообще. Несомненно, что направление призванного на сборы офицеров запаса Александра Ивановича на должность дублера командира «эски» состоялось не случайно, а благодаря протекции старого товарища – бывшего комдива 26-го ДПЛ, а тогда начальника штаба 17-й дивизии подлодок Балтфлота капитана 1-го ранга Е. Г. Юнакова. Ответ на поставленный нами вопрос содержит аттестация, подписан-

ная командиром 156-й бригады контр-адмиралом Н. И. Морозовым (док. № 7.1). Документ для нашего героя весьма нелестный, а потому необходимо пояснить, что Николай Иванович Морозов на протяжении всей войны с первого ее дня был командиром дивизиона «малюток» Северного флота и в качестве обеспечивающего участвовал в 23 боевых походах (более чем в четыре раза превзошел по этому показателю «подводника № 1»), неоднократно участвовал в торпедных атаках, в том числе и успешных, высадках разведгрупп, форсировании минных полей, бывал под бомбежками – одним словом, был настоящим морским волком. Его питомцы И. И. Фисанович и В. Г. Стариков стали Героями Советского Союза, причем задолго до того, как кому-либо стало известно имя Маринеско. Сам Морозов за время войны был награжден тремя орденами Красного Знамени, орденом Александра Невского и Нахимова 2-й степени, так что не доверять мнению этого заслуженного боевого офицера у нас оснований нет. Не смогли не посчитаться с данной оценкой и те, кто пытался помочь «подводнику № 1» восстановиться на флоте. В результате Маринеско вернулся в Ленинград и продолжил работу на номерном заводе по производству радиодеталей «Мезон», куда устроился еще в июле того же 1953 г.

О работе на заводе даже глубоко симпатизировавшие Маринеско А. А. Крон и журналист газеты «Известия» Эдвин Поляновский писали как о периоде взлетов и падений. С одной стороны, коллектив завода с уважением относился к ветерану, хотя до первых публикаций о нем (об этом речь ниже) ничего не знал о его личных заслугах. По словам писателей, свою репутацию Александр Иванович заслужил честным трудом и своей принципиальностью. С другой стороны, А. Крон пишет, что наш герой иногда разрешал себе «сделать выход», или, говоря простым языком, совершить загул. Далее писатель признавал, что был случай, когда такой «выход» совпал по времени с дежурством Маринеско в качестве заводского диспетчера. *«Конечно, это была болезнь,* – писал Крон. – *Отступившая во время самых тяжких испытаний и вновь подкравшаяся, когда напряжение спало».* Думается, всем понятно, на какую именно болезнь намекал литератор. Это не мог быть рак, который был обнаружен врачами у Александра Ивановича только в 1962 г. В конце 50-х гг. распалась и вторая семья Маринеско. Согласно интервью и публикациям старшей дочери Л. Маринеско, причиной этого стало то, что «Валентина стала выпивать». Стоит заметить, что младшей дочери – Татьяне – на тот момент еще не исполнилось и семи лет и родителю пришлось выплачивать на нее алименты. По этой или по какой-то иной причине, но дирекция завода разрешила Маринеско «зарабатывать сверх потолка» (выражение Э. Поляновского), что ближайшая ревизия сочла нарушением. По решению суда с Александра Ивановича теперь должны были удерживаться незаконно полученные средства. Было бы очень интересно взглянуть на материалы этого процесса, как и на служебные характеристики, сделанные на заводе, но пока в научный оборот никто эти документы ввести не пытался.

Ситуация для нашего героя сложилась критическая – жить ему было негде, но что еще хуже – практически отсутствовали средства к существованию, поскольку почти вся зарплата и минимальная пенсия уходили на алименты и выплаты по исполнительному листу. Кроме того, он финансово помогал проживавшей в Одессе престарелой матери. Но вскоре наличие старых друзей (кто именно хлопотал, пока установить не удалось) помогло Маринеско добиться очень важного для себя решения: приказом министра обороны № 600 от 26 ноября 1960 г. отменялись пункты всех приказов по отстранению от должности, разжалованию и увольнению его из Вооруженных сил, а вместо них теперь следовало считать, что он был уволен с должности командира С-13 в звании капитана 3-го ранга по сокращению штатов. Конечно, стремление помочь попавшему в затруднительное положение товарищу свято, пенсия после данного решения должна была существенно возрасти, но сами по себе новые формулировки не могут не вызывать недоумения. Понятно, что командование может снять взыскание, если посчитает, что оно было наложено незаслуженно или сыграло свою воспи-

тательную роль. Но как оно могло отменить «собственное желание», по которому уволился Маринеско? И потом, разве экипаж С-13 расформировывался или в штат вносились какие-то изменения, да такие, что командира подлодки можно было уволить «по сокращению штатов»? Ничего подобного в действительности не было, более того, с августа по ноябрь 1945 г. на этой должности стоял совсем другой человек. Впрочем, это было далеко не последнее не вполне законное решение в «борьбе за восстановление честного имени народного героя».

Вообще же точкой отсчета в этой эпопее следует считать 29 мая 1959 г., когда в Кронштадте состоялась первая встреча ветеранов бригады подплава КБФ. Ее инициатором и организатором был все тот же Е. Г. Юнаков, ставший к тому времени командиром 3-го учебного отряда подводного плавания Кронштадской военно-морской крепости. Встреча происходила с участием заместителя начальника Военно-морской академии контр-адмирала Л. А. Курникова, Героев Советского Союза С. П. Лисина и М. С. Калинина и многих других. Доподлинно неизвестно, был ли именно тогда впервые вручен Маринеско молочный поросенок, но именно на этой встрече были оглашены данные, почерпнутые из немецкого журнала «Марине рундшау», о том, что Маринеско потопил лайнеры «Густлоф» и «Штойбен».

Здесь необходимо сделать небольшое отступление. Дело в том, что в 50-х гг. этот журнал публиковал сравнительно мало статей, посвященных военным действиям на море между СССР и Германией в 1941–1945 гг. Сказывалось отсутствие доступа к архивам – немецким по причине захвата их союзниками, советским – по вполне понятным причинам. Шло накопление документальной и статистической базы, формирование первых выводов об эффективности или неэффективности тех или иных родов сил ВМФ различных государств на разных этапах войны и театрах военных действий. В рамках этого в апрельском, майском и июньском номерах за 1959 г. были опубликованы списки судов всех стран мира тоннажем более 10 тысяч брт, потопленных за время Второй мировой войны подводными лодками. Каково же было удивление наших исследователей (журнал попадал в спецхраны библиотек и был доступен только для военно-морских историков в погонах), когда в списке оказалось всего три судна, уничтоженные советскими подводниками, причем два из них приходились на счет С-13 и ее командира А. И. Маринеско, о чем прямо и было написано в немецком журнале. Получалось, что немцы лучше знали наших героев, чем мы сами. Это обстоятельство и уязвило национальную гордость и как бы вдохнуло новую жизнь в тезис об оклеветанном и незаслуженно уволенном герое, а эта тема на самых разных конкретных примерах уже стала частью российского национального эпоса.

Для нас же во всей этой истории примечателен другой момент: получив цифры из немецкого журнала, наши историки и ветераны подплава, по всей видимости, незаметно для себя, позаимствовали и немецкий подход к определению успешности командира – суммарный тоннаж потопленных им судов. Для наших бывших противников такой стандарт был более-менее оправдан: подавляющее большинство подводных лодок кригсмарине сражалось на одном и том же театре (Северная Атлантика), где в рамках различных периодов войны все они действовали в примерно одинаковых условиях обстановки. Более того, сам командующий немецким подводным флотом гроссадмирал К. Дёниц прямо указывал, что борьба за потопленный тоннаж является главным смыслом и содержанием борьбы на вражеских коммуникациях и, если удастся топить больше тоннажа, чем его строят союзники, можно будет добиться блокады Англии и принуждения ее к сдаче. С учетом этого для немцев не имело значения, везло ли судно груз или нет, следовало в составе конвоя или одиночно, двигалось курсом на Англию или стояло на приколе на рейде какого-нибудь далекого колониального порта. Тот из командиров, кто топил больше тоннажа, и считался наиболее заслуженным. При длительном периоде боевой карьеры немецких «U-ботов» в начале Второй мировой войны, при списках, включавших 20 и более потопленных судов, разница в обстоятельствах потоплений в целом нивелировалась и оставались только суммарные цифры.

Совсем другая ситуация складывалась для советских подводников. На каждом из трех театров военных действий существовала своя, несравнимая с другим театром специфика. Например, на Севере противник почти не использовал для перевозок лайнеры, а на Черном море не то что 10-тысячников, там судов более 1000 брт у противника одновременно на ходу было не более двух десятков и ни одно из них не превышало 7 тысяч брт. В то же время подводники Севера и Черного моря не имели препятствий к выходу в открытое море, в то время как балтийские уже фактически с осени 1941 г. были поставлены перед необходимостью форсировать мощные противолодочные рубежи в Финском заливе. В 1943 г. и трех первых кварталах 1944 г. эти рубежи не смогла прорвать ни одна подлодка КБФ. Зато в 1942 г. и в завершающие месяцы войны после прибытия на позицию балтийские подлодки сталкивались со слабо или даже вовсе не охраняемым судоходством, в то время как на Севере с начала 1943 г. немецкое командование проводило суда в конвоях за двойной линией эскортных кораблей. В результате получалось, что для потопления скромного судна на Северном театре в рамках конкретной атаки командиру подлодки приходилось проявить куда больше мастерства, чем для потопления крупного лайнера на Балтике. Именно по этой причине в качестве мерила успеха в годы войны для советских подводников был установлен не суммарный тоннаж, а количество побед – ведь и для потопления скромной БДБ и лайнера размером со «Штойбен» требовалось попадание всего одной торпеды, и размеры судна никак не говорили о военном таланте командира, проявленном для того, чтобы эта цель отправилась на дно.

И еще один момент: статистика тоннажа, как и любая другая статистика, начинает давать правильный результат, только когда существует достаточно широкая цифровая база для анализа. Понять это можно на простом примере: глупо хвалить спортсмена за то, что он занял второе место, если в соревнованиях участвовало всего двое. Применительно к советским подводным лодкам, ни одна из которых, по подтвержденным данным, не потопила более семи судов, да и то в основном малого и среднего тоннажа, – это означает, что один «Густлоф» может «перевесить» показатели целого дивизиона субмарин Северного или Черноморского флота, а это уже противоречит всякой нормальной логике.

Но вернемся к рассмотрению последних четырех лет жизни А. И. Маринеско и начавшей набирать обороты кампании за присвоение ему звания Героя Советского Союза.

Важной вехой на пути к этому стала состоявшаяся летом 1960 г. вторая встреча ветеранов-подводников, на которой Александр Иванович познакомился с А. А. Кроном. Точнее, знакомы они были с зимы 1942 г., но настоящая дружба завязалась между ними именно тогда – в 1960 г. К тому же периоду жизни относится и запись бесед, легшая впоследствии в основу книги «Капитан дальнего плавания». Публикация статьи Крона о Маринеско в «Литературной газете» вызвала шквал писем в редакцию и разожгла интерес к теме в широких кругах населения Советского Союза. Увы, следующим импульсом стало смертельное заболевание, обнаруженное у Александра Ивановича в конце 1962 г., – рак пищевода. Об этом он признался Крону только в августе 63-го в связи с тяжелым материальным положением: оно обострилось из-за того, что больной Маринеско уже не мог работать, а одной пенсии не хватало на выплаты алиментов, по исполнительному листу и на лечение. Согласно статье Э. Поляновского, Маринеско даже написал в одном из писем к писателю фразу (сам Крон ее никогда не цитировал): «Последнее время – на 51-м году жизни я начинаю терять веру в советскую власть». На наш скромный взгляд, она звучала слишком несправедливо после того, как представители этой власти так долго закрывали глаза на проступки Маринеско, а затем отменили свои решения о наказании. Или, может, это намек на несправедливость законов, по которым следует платить алименты и выплачивать судебные иски? Возможно, это была реакция на отклоненное ЦК КПСС обращение 20 адмиралов и генералов, 6 Героев Советского Союза, 45 командиров и комиссаров подводных лодок (по информации Э. Поля-

новского) о назначении нашему герою персональной пенсии. Но для установления подобной пенсии существовали определенные основания. Соответствовал ли им Маринеско? Без документов ответить на эти вопросы невозможно. Зато на помощь к Александру Ивановичу пришли воспитанные этой самой советской властью люди: бывший заместитель наркома ВМФ адмирал флота И. С. Исаков и весьма известный в то время писатель С. С. Смирнов, к которым Крон обратился за помощью. Исаков ежемесячно стал высылать Маринеско по 100 рублей, С. С. Смирнов 4 октября 1963 г. посвятил «подводнику № 1» целый выпуск телеальманаха «Подвиг». После этого известность Маринеско стала всесоюзной, со всех концов страны начали приходить денежные переводы, но это уже не могло изменить печального финала – 25 ноября 1963 г. Александр Иванович умер от рака.

Растянувшаяся на 27 лет кампания за присвоение А. И. Маринеско звания Герой Советского Союза не является предметом нашего исследования, но о ней все-таки необходимо вкратце рассказать.

Сразу после смерти Маринеско И. С. Исаков и А. А. Крон задумали совместную книгу о «подводнике № 1», но из-за резкого ухудшения здоровья адмирала и последовавшей в октябре 1967 г. его смерти этим планам не суждено было сбыться. Вместе с тем эта незавершенная работа оставила довольно заметный след. Дело в том, что, опираясь на тенденциозную подборку фактов из немецкой публицистической литературы и статей в «Марине рундшау», Исаков выработал собственную, на наш взгляд, неоправданно завышенную оценку результатов атаки С-13 и ее влияния на исход Великой Отечественной войны. Вопреки известным цифрам и свидетельствам он утверждал, что *«героическим подвигом, потрясшим фашистов, начиная с самого Гитлера, является беспримерный успех атак подводной лодки «С-13»*. Именно его статья в журнале «Советский Союз», вышедшая к 20-летию Победы, содержала те, ставшие теперь уже привычными и приписываемыми зарубежной печати, клише, как то: *«атака века», «подводник № 1», «личный враг Гитлера», «трехдневный траур», «расстрел командира конвоя»,* причисление всех 8 или даже 10 тысяч погибших на судах к гитлеровцам – *«отборные офицеры, первоклассные специалисты-подводники, эсэсовцы, фашистские бонзы»* и т. п.

Стоит подчеркнуть, что благодаря живому интересу к современной немецкой исторической литературе Исакову должны были быть известны правильные цифры относительно состава пассажиров «Густлофа». В вышедшей еще в 1959 г. в Германии книге немецкого историка К. Беккера «Балтийское море – немецкая судьба 1944/45» (ее переведенные фрагменты адмирал посылал Маринеско осенью 1963 г.) на страницах 204–205 говорилось, что на лайнере находилось 4658 человек, в том числе около тысячи военнослужащих и членов экипажа, около 400 женщин вспомогательной службы ВМС и около 3 тысяч беженцев. Позже появились и другие цифры, где точно определялось число находившихся на борту подводников и потери среди них. Немалую лепту в их уточнение внес спасшийся 4-й (пассажирский) помощник капитана лайнера Х. Шён, публиковавший свои книги в 1952 и 1960 гг. По его сценарию в том же 1960 г. был снят художественный фильм «Ночь опустилась над Готенхафеном», запечатлевший трагедию пассажиров «Густлофа». Опираясь на записи Крона, можно прийти к выводу, что все это никак не повлияло на позицию И. С. Исакова – он без колебаний использовал зарубежные цифры, если они его устраивали, и не обращал внимания на те, где масштаб катастрофы описывался меньшим по сравнению с публикациями английских и шведских газет февраля 1945 г. Все это объяснялось официальной позицией советской пропаганды того времени, схватившейся не на жизнь, а на смерть с пропагандой западной в пропагандистской составляющей холодной войны.

Эстафетную палочку у покойного адмирала принял сам Н. Г. Кузнецов, которому Исаков передал свою папку с подборкой материалов про Маринеско незадолго до смерти. Статью бывшего наркома в июльском 1968 г. номере журнала «Нева» (док. № 7.4) многие вос-

приняли как запоздалое покаяние и руководство к действию по развертыванию кампании за присвоение «подводнику № 1» «Золотой Звезды». На наш же взгляд, явное несоответствие истине легко проверяемых фактов касательно «Густлофа» и «Штойбена», а также высказывание многих положений без знания всех обстоятельств, предшествовавших январскому 1945 г. походу С-13, явно не свидетельствовало в пользу Николая Герасимовича как военно-морского историка. Фактически он не только подтвердил явно завышенную оценку январско-февральского похода «эски», сделанную Исаковым, но и добавил в эту оценку свою лепту. Следует подчеркнуть, что в частной переписке с В. Ф. Трибуцем еще в 1967 г. последний пытался предостеречь бывшего начальника (док. № 7.3) от упрощения ситуации с Маринеско и высказал личную точку зрения на то, почему тому не было своевременно присвоено звание Героя Советского Союза. Но по-видимому, симпатии опального главкома в тот момент уже были всецело на стороне опального подчиненного, и, возможно, именно это обстоятельство стало камнем преткновения для Главного совета ВМФ при рассмотрении большого числа ходатайств и представлений о присвоении Маринеско «Золотой Звезды». Реальные события уже мало кто помнил, а некоторые сознательно их упрощали, приводя все к простым для восприятия логическим схемам типа «отличный командир – зависть и месть стоявших над ним штабных и политотдельских ничтожеств». Неудивительно, что служившие в штабах и политотделах реагировали отрицательно. Так сформировалась и окрепла адаптированная для широких кругов версия, старт которой дал сам Маринеско: нарушение у него за всю службу было одно-единственное, море он любил, а экипаж и женщины любили его, и никто не виноват в том, что многие начальники ему завидовали.

Но кроме этого в кампании за реабилитацию «подводника № 1» существовало еще кое-что, о чем не говорилось во всеуслышание, но что точно являлось фактическим мотивом для части активистов. Представляется, что уже в то время эта кампания рассматривалась некоторыми как своеобразная месть не только политическим органам на флоте, но и всей партийной системе в стране, как попытка расшатать ее основы, используя дело Александра Ивановича в качестве точки опоры. А опорой это было прочной – ведь на поверхности, с одной стороны, лежал «величайший подвиг», а с другой – нищета, в которой умер «подводник № 1». И в споре, заслужил Маринеско звание Героя или не заслужил, никого не интересовало то, что большинство погибших на «Густлофе» были не подводники, а женщины и дети, а на «Штойбене» не эсэсовцы-танкисты, а раненые. А раз так, то Маринеско – герой, деяние которого можно ставить в один ряд со взятием Рейхстага, его успех нужно пропагандировать, а не замалчивать. За пропагандой подвига последовало бы более лояльное отношение и к тем чертам, которые осуждались на партийных собраниях, но которыми отличался народный кумир. Ведь чего греха таить: у Маринеско, у его стиля жизни и службы, было и есть много последователей, «свободу поведения» которых всегда душила удавка партийных комиссий – любимого места обращения жен по поводу пьянства и измен своих мужей. С конца 1991 г. парткомиссии прекратили существование, но стал ли офицерский корпус Российской армии от этого более боеспособным?

Не утруждали себя знакомством с фактами истории и те, кто придерживался мнения, что Маринеско недостоин награждения. Например, по информации Э. Поляновского, в 1967 г. газета КБФ «Страж Балтики» опубликовала статью, в которой утверждалось, что атакой С-13 на «Густлоф» руководил старпом Ефременков, а не Маринеско, который якобы находился в «нерабочем состоянии». С учетом всех обстоятельство того похода, а также нахождения сотрудника политотдела БПЛ на борту «эски» такое утверждение не может квалифицироваться иначе, чем глупая выдумка. При этом интересно отметить, что ни та ни другая сторона дискуссии о награде не уделяла практически никакого внимания зарубежным публикациям по теме гибели «Густлофа» и не предпринимала собственных попыток провести расследование по зарубежным архивам, благо такая возможность с середины 70-х гг.

появилась. Многие документы в виде фотокопий публиковались в книгах Х. Шёна, и за ними даже не требовалось обращаться в архив. Ряд наших журналистов и писателей встречались с самим Шёном, но и это не привело к выработке какой-то взвешенной и консолидированной позиции по вопросу вклада экипажа и командира С-13 в Победу в Великой Отечественной войне.

Обмен стрелами между сторонниками и противниками награждения с переменной интенсивностью продолжался до начала перестройки. Выйти на новый качественный уровень этой теме помог случай. В октябре 1986 г. в Лиепае на территории базы 14-й эскадры подводных лодок на деньги моряков был поставлен памятник работы скульптора В. С. Приходько. На лицевой стороне памятника имелась надпись: «Героическому экипажу Краснознаменной подводной лодки «С-13», его боевому командиру Маринеско А. И.». Через две недели с памятника сняли фамилию Маринеско и слово «Героическому». Осталось «экипажу Краснознаменной ПЛ «С-13». По информации Э. Поляновского, это было сделано по прямому указанию Главного политуправления ВМФ. Данный факт стал достоянием редакции газеты «Известия», которая развернула двухгодичную кампанию за реабилитацию народного героя. В ходе ее «Известия» опубликовали семь статей о Маринеско. Оппонировала им газета ДКБФ «Страж Балтики». Одновременно инициативу поддержали общественные организации, в частности Союз писателей СССР (док. № 7.7) и созданный в конце 1989 г. ленинградский Комитет в защиту Маринеско. С октября 1989 по февраль 1990 г. указанный комитет собрал более 40 тысяч (а не 1 миллион, как это говорится в некоторых изданиях, – см. док. № 7.10) подписей граждан в поддержку инициативы. В феврале 1990 г. эта организация направила в Президиум Верховного Совета СССР копию старого и новое представление, а также наградной лист (док. № 7.9).

Чем примечателен этот документ? Пожалуй, именно тем, как его составители умело скомпилировали старые и новые данные. Если в феврале 1945 г. комдив Орел честно излагал известные ему факты, почерпнутые из западных газет, то в феврале 1990 г. председатель комитета капитан 3-го ранга запаса О. А. Мокряков поставил свою подпись под заведомой неправдой. Он не только повторил уже многократно опровергнутые в исторической литературе цифры по количеству пассажиров и спасшихся из наградного листа Орла. Как и раньше, там фигурировало утверждение, что все из находившихся на борту «Густлофа» 3700 подводников погибли. Но этого показалось мало, и потому к старым заблуждениям были добавлены новые, вполне осознанные фальсификации. В частности, о том, что С-13 *«… двумя торпедами утопила охраняемый тремя эсминцами военный транспорт «Генерал Штойбен» в 14 660 тонн, на котором находилось 3600 человек и большое количество военной техники».* Как лайнер, на котором отсутствовали грузовые трюмы и достаточное палубное пространство, мог перевозить технику, авторы документа не уточняли. Но в представлении к званию Героя в феврале 45-го четко говорилось, что Маринеско должен быть награжден за потопления «Густлофа» и крейсера, а теперь место последнего занимал пусть и большой, но транспорт. Очевидно, составители документа понимали неравнозначность такой замены, поэтому решили придать большую значимость фактам гибели ценных для противника пассажиров. *«В результате этих двух атак,* – значилось далее в наградном листе, – *было уничтожено более 10 000 человек, по существу полноценная дивизия противника».* Эти фразы являются близким к тексту пересказом вышеупомянутой статьи Н. Г. Кузнецова, но утверждение высокого должностного лица о каком-то случившемся не с ним событии не может и не должно восприниматься как истина в последней инстанции об этом событии! Все погибшие на борту лайнеров не только назывались «гитлеровцами», но и записывались в военнослужащие, из которых можно было сформировать «полноценную дивизию». Но ведь даже в нашей печати того времени, описывавшей атаку С-13 и гибель «Густлофа», признавалось, что на борту лайнера находились «фашистские бонзы» и беженцы – члены их семей. Одним

словом, наградной лист на Маринеско по сравнению с 1945 г. не стал более точно отражать его заслуги перед Родиной, а, наоборот, по целому ряду пунктов потерял даже формальную связь с реальностью. Причем делалась эта фальсификация вполне осознанно и из лучших, как казалось ее составителям, побуждений. Нельзя было допустить, чтобы у тех, кто принимал решение по награде, закралась хотя бы тень сомнения в том, что деяние Маринеско являлось *«важнейшим событием в начале 45-го года, потрясшим гитлеровский рейх до основания!»*.

Перед адмиралом флота В. Н. Чернавиным, ставшим в ноябре 1985 г. главкомом ВМФ, стала непростая задача сформировать собственную позицию по данному вопросу. Попытки докопаться до истины, выяснить реальный вклад Маринеско в Победу через запрос в Институт военной истории Национальной народной армии ГДР не привел к однозначному результату и, более того, натолкнулись на определенное противодействие ветеранов, опасавшихся, как бы через призму зарубежных данных не стали пересматривать все боевые успехи времен войны. Поэтому на первый план вышли соображения высокой политики: отказать – значит прослыть консерватором, поддержать – значит признать ошибки своих предшественников и военной системы в целом, то есть запятнать мундир. В конечном итоге под напором разбуженного перестройкой общественного мнения было выбрано последнее. Интересно отметить, что еще раньше – 27 апреля 1988 г. – «сдался» народный суд 2-го участка Смольнинского района Ленинграда, где судили Маринеско в 1949 г. Он отменил приговор и дело в отношении народного героя «за отсутствием в его действиях состава преступления». Вот и верь после этого в юридическую формулу, что закон, в данном случае закон об уголовной ответственности за прогулы, обратной силы не имеет! После представления необходимых документов 5 мая 1990 г. президент СССР М. С. Горбачев подписал соответствующий указ (док. № 7.13).

Однако и это событие не поставило точки в рассматриваемой нами истории, не прекратило шумихи вокруг имени «подводника № 1». Очень уж привлекательной фигурой он показался многим. Для либералов – жертвой советского режима, для ветеранов – своим в доску парнем, который, как и большинство из них, не дослужился до больших звезд, для националистов – таким же символом русского народа (правда, на него также претендуют украинцы и молдаване[9]), как Илья Муромец, который 33 года лежал на печи, а потом встал и задал трепку Идолищу Поганому. На журналистов же слова «незаслуженно забытый герой», «тщательно скрываемый факт» вообще действуют магически. Все они уже почти четверть века продолжают говорить и писать о Маринеско к очередным годовщинам его рождения, смерти, атаки на «Густлоф», на День Победы и День ВМФ. Находятся даже люди, сделавшие это своей профессией, в частности лица, называющие себя членами экипажа С-13, но присутствие которых на борту во время знаменитой атаки не подтверждается никакими документами (список участников похода 11.01–15.02.1945 см. в приложении № 4). Ну и что же в этом плохого? – думают некоторые. Стране ведь нужны положительные герои!

Нисколько не оспаривая последнего утверждения, хотелось бы кратко высказать причины своего несогласия с происходящим.

Если внимательно проанализировать все вышеизложенное, можно убедиться, что главная легенда о Маринеско – то, что именно он является «подводником № 1» советского ВМФ в годы Великой Отечественной войны, – опирается на два краеугольных камня. Во-первых, это гипертрофированное возвеличивание его боевого успеха и того влияния, которое он ока-

[9] Примечательно в этом плане начало статьи одной молдавской журналистки: «В Молдове мало кто из школьников помнит сегодня о подвигах молодогвардейцев, Космодемьянской и Матросова. Зато каждый слышал об Александре Маринеско, читал о беспримерном подвиге врага номер один рейха, который 30 января 1945 года потопил гигантский лайнер «Вильгельм Густлоф», отправив к праотцам почти 8 тысяч фашистов» (http://aekalashnikov.ya.ru/replies.xml?item_no=2005). Наверное, еще немного, и Маринеско затмит Жукова и Гагарина!

зал на исход Великой Отечественной войны. Во-вторых, это забвение имен всех остальных советских подводников того периода. Остановимся на этих моментах поподробнее.

Совершила ли С-13 под командованием Маринеско подвиг? Под подвигом мы понимаем героический, самоотверженный поступок человека, группы людей, народа в целом. Есть и второе значение – важное по своему значению действие, совершенное в трудных условиях. Так это понятие трактует «Военная энциклопедия», так им оперируем и мы.

В самой атаке на «Густлоф» экипаж «эски» проявил себя не менее, но и не более самоотверженно, чем экипажи других подлодок КБФ, действовавших в конце 1944 г. – начале 1945 г. на немецких коммуникациях в Балтийском море. По сравнению с другими периодами и морскими театрами Великой Отечественной общие условия тогдашней обстановки воспринимаются как довольно простые, а тактическая ситуация в момент атаки на «Густлоф» даже беспрецедентно легкой. То есть с точки зрения проявленного мастерства и самоотвержения этот конкретный случай к выдающимся отнести очень сложно. А как насчет значения?

История содержит немало примеров, когда победы, пусть даже и громкие, не могли претендовать на звание подвигов. Имелись такие случаи и в летописи Российского флота.

> *«…Наша эскадра была вдвое сильнее неприятельской материально и, конечно, в несколько раз сильнее ее в нравственном отношении. Следовательно, особенного «геройства» тут не представлялось, и «свет» этим «удивлен» также быть не мог. Но наши моряки сделали, все и каждый, свое дело отчетливо и точно, за что им честь и слава, – и в этих простых словах заключается высшая похвала, какую человеку заслужить дано…»*

Эти жесткие, но справедливые слова были написаны по поводу победы в Синопском сражении 1853 г. флаг-офицером В. А. Корнилова, вице-адмиралом И. Ф. Лихачевым.

Чем же таким был ценен «Густлоф», что его потопление могло потрясти Третий рейх, причем не как-нибудь, а именно «до основания»? Конечно же, с учетом того факта, что строительство лайнера как подарок немецким трудящимся было разрекламировано на всю Германию, можно смело предположить, что новость о его потоплении, стань она достоянием широких слоев населения, веры в фюрера не добавила бы. Вероятно, именно поэтому в немецких СМИ того времени данный факт был обойден молчанием, и, соответственно, кого он мог потрясти, остается неясным.

Чисто военное значение судна было невелико. Вопреки утверждениям некоторых наших журналистов, его живучесть и непотопляемость не отличались от обычных стандартов, принятых для гражданских судов. Размеры лайнера делали его заманчивой целью для вражеских подводников и летчиков, следовательно, его возможное использование оттянуло бы на себя много эскортных кораблей, которых и без того не хватало. Именно поэтому немцы предпочитали привлекать к эвакуации беженцев суда среднего водоизмещения, а где возможно – быстроходные десантные баржи. Но даже не это диктовало необходимость постановки «Густлофа» на прикол после завершения рейса из Готенхафена, а отсутствие высококачественного дизельного топлива. Тяжелейший топливный кризис в рейхе, наступивший вслед за занятием Красной армией нефтеносных районов Румынии и Венгрии, являлся не надуманным, а самым что ни на есть реальным потрясением для рейха!

Кроме того, большое значение потопления двух лайнеров не подтверждается ни сведениями о реакции на это Гитлера, ни оперативными документами германского военно-морского командования. Не было и никаких траурных мероприятий общегерманского масштаба. Да и чему тут удивляться – гитлеровский рейх терпел одну военную катастрофу за другой на суше, битва за Атлантику была проиграна еще весной 43-го, и даже, будь на борту «Густлофа» в самом деле 70 сформированных экипажей субмарин, это бы ровным счетом ничего не изменило. На наш взгляд, считать иначе – все равно что заявлять, что коренной перелом

в Великой Отечественной войне произошел не под Сталинградом и Курском, а 30 января 1945 г. у банки Штольпе.

На борту «Густлофа» погибло 406 матросов и офицеров 2-й учебной дивизии подводных лодок и 76 тяжелораненых. На «Штойбене» военнослужащих (раненых солдат, военных медиков и военных моряков из экипажа) погибло еще больше – до 3 тысяч. Эта цифра является максимальным показателем погибших солдат вермахта при гибели какого-либо судна от действий наших сил. Тем не менее, если попытаться проанализировать чисто военное значение этих потерь, окажется, что оно не так уж велико. Пожалуй, из всех вышепоименованных лишь погибшие подводники могли быть использованы немецким командованием для участия в военных действиях на суше, где решалась судьба Германии. Остальные были обречены на пассивное ожидание исхода битвы за Берлин – на своих судах или на госпитальных койках.

Говорить же о большом значении гибели нескольких тысяч беженцев и вовсе не приходится, пусть среди них и было какое-то количество гражданских чиновников и партийных функционеров не слишком большого уровня. Если это был необходимый *«реквием по умершим во время блокады Ленинграда»,* как об этом выразился один наш публицист, то почему мы просто, чтобы сравнять счет погибших, не уничтожали немецкое гражданское население на занятых землях? Наверное, потому, что пресловутая советская власть, в отличие от указанного автора, никогда не считала такие «реквиемы» справедливыми и необходимыми. Официальная линия поведения Красной армии по отношению к немцам была совсем иной, а значит, и гордиться количеством утонувшего гражданского населения нам как-то не пристало.

Тот факт, что байки про десяток тысяч уничтоженных Маринеско гитлеровцев, всегерманский траур, памятники в Англии и Германии (!), обучение подводников всего мира на примере «атаки века» и т. п. живы и поныне, создает дурную славу нашей стране и отечественной исторической науке за рубежом. В Германии никто никогда официально не пытался причислить Маринеско к военным преступникам, – все утверждения наших публикаторов об этом есть не что иное, как попытка пустить читателей по ложному следу, заставить их дружно встать на защиту «подводника № 1» от несправедливых иностранных обвинений, но тот факт, что жертвами его атак в большинстве своем стали гражданские лица и раненые, вызывал и продолжает вызывать там горькие чувства. В этой ситуации называть всех находившихся на борту «Густлофа» «гитлеровцами», гибель которых недостойна сожаления, по сути кощунственно. Что бы чувствовали мы, если бы в современной Германии чествовали как национального героя летчика, торпедировавшего 7 ноября 1941 г. в Черном море транспорт «Армения», вместе с которым утонули 5 тысяч наших беженцев и раненых? Ведь имевший зенитные орудия и шедший в конвое санитарный транспорт был тоже вполне легитимной военной целью! Более уместной и конструктивной кажется иная риторика, и потому побывавший в санкт-петербургском Музее подводных сил России имени А. И. Маринеско генеральный консул Германии У. Шенинг оставил в книге почетных посетителей запись следующего содержания: *«Через 60 лет после трагических событий Второй мировой войны, наконец, наступило время, когда русские и немцы совместно строят будущее. К этому призывает гибель немецкого лайнера «Вильгельм Густлоф» в январе 1945 года».* Но у нас многие, похоже, с этим не согласны либо не понимают, насколько злорадство по поводу погибшего немецкого гражданского населения несовместимо с современным уровнем российско-германских отношений.

Но еще более обидным представляется забвение, которому вольно или невольно предаются другие герои нашего подплава времен Великой Отечественной. Наверное, еще со времен создания адаптированной версии судьбы Маринеско кто-то понял, что будет легче рисовать его талантливейшим подводником и непокорным бунтарем, если всех остальных

офицеров – командиров подлодок просто вычеркнуть из истории. Считать их некой серой массой, по умолчанию бесталанной и приспособленческой. Ведь начни озвучивать конкретные имена, рассказывать судьбы – и кто решится сказать, что они хоть в чем-то уступали Маринеско?

Разве меньшего, чем Маринеско, уважения заслуживает командир С-7 Сергей Прокофьевич Лисин, который лишь за один поход в 1942 г. реально потопил четыре судна? В октябре того же года ему было присвоено звание Героя Советского Союза, но по стечению обстоятельств еще за два дня до этого его подлодка была потоплена, а сам он попал в финский плен. Два года он вел полуголодное существование в неволе, но так и не согласился выйти на лагерные работы, за что мог бы получать дополнительный паек. Даже самые придирчивые смершевцы не смогли найти в его действиях признаков нарушения воинской присяги. В январе 45-го он был восстановлен в кадрах ВМФ, получил назад звание и награды, но клеймо побывавшего в плену заставило его в конце концов уйти с военной службы. При этом он был безупречен в быту, что не мешало ему в 1941–1942 гг. быть душой коллектива 1-го дивизиона подплава БПЛ КБФ.

Или, может, меньшего уважения заслуживает командир подлодки «Лембит» А. М. Матиясевич, прошедший войну от первого до последнего дня, совершивший семь боевых походов и торпедировавший два судна? Только благодаря его мужеству подлодке удалось спастись в тяжелом бою 14 сентября 1942 г., когда был торпедирован транспорт «Финнланд», но сброшенные во время контратаки глубинные бомбы привели к взрыву аккумуляторной батареи и пожару. Несмотря на это, подлодка осталась под водой, ее экипаж устранил все повреждения и лишь с наступлением темноты всплыл, хотя кислорода в отсеках к тому времени почти не осталось. Все моряки в пострадавшем от взрыва центральном посту спасались от угарного газа противогазами, за исключением Алексея Михайловича, который руководил борьбой за живучесть и получил серьезное отравление. Он позволил себе потерять сознание только после того, как угроза гибели корабля миновала. Представление Матиясевича на звание Героя было отклонено в октябре 42-го, и не из-за аморалок, а из-за того, что после пленения Лисина начальник Главпура ВМФ И. В. Рогов решил не представлять балтийских подводников, поскольку они потенциально могли пополнить ряды военнопленных, а понятия «Герой» и «плен» для него были несовместимы. Общественные организации долго боролись за повторное рассмотрение вопроса о награждении и добились правды – 29 ноября 1995 г. Алексею Михайловичу было присвоено звание Героя России. Вот только он не дожил 10 месяцев до этого события. Почему же его не прославляют вслед за награждением, как это уже более 20 лет происходит с Маринеско?

А бывший начальник «подводника № 1» Николай Константинович Мохов? После того как его во многом из-за поведения Маринеско сняли с командования «малюточным» дивизионом, он стал командиром Щ-317 и в течение единственного похода десятью торпедами достоверно потопил три и повредил одно вражеское судно, вызвав настоящий переполох на немецких коммуникациях в Центральной и Южной Балтике. При возвращении из того похода «щука» пропала без вести, и ее судьба не установлена и по сей день. Его посмертно наградили орденом Ленина – такой же наградой, что и Маринеско за единственную неподтвержденную победу в том же 1942 г. Наверное, с точки зрения ветеранов подплава это справедливо, раз никаких ходатайств по поводу награждения Мохова наградой более высокой степени они на протяжении всех послевоенных лет ни разу не возбуждали.

Командир С-12 Василий Андрианович Тураев совершил самый продолжительный – 63-суточный – поход советской подводной лодки в годы Великой Отечественной войны. Командуя практически необученным и несколоченным экипажем (новейшая субмарина вступила в строй одновременно с установлением блокады Ленинграда), сумел в течение похода торпедировать два транспорта из состава хорошо охранявшихся войсковых конвоев.

Помимо этого его подлодка дважды подрывалась на минах и была тяжело повреждена финским противолодочным самолетом. Во время прорыва через Финский залив ее сутки преследовали и бомбили самолеты и катера. За этот поход Тураев был удостоен ордена Красного Знамени, но в следующем 1943 г. из-за конфликта с комбригом Верховским его перевели с понижением на Северный флот. Вскоре он восстановился на должности командира и в течение 44-го потопил транспорт и охотник за подлодками – оба из состава конвоев, имевших многочисленный эскорт. За это Василия Андриановича наградили еще двумя орденами Красного Знамени, но представление на Героя никто так и не написал, хотя существовало негласное правило: после двух «Знамен» представлять к «Золотой Звезде». И что же, Тураев от обиды запил? Ничего подобного – после войны он стал начальником штаба бригады подлодок Северного флота, затем служил преподавателем в училище и членом Постоянной приемной комиссии кораблей ВМФ, давал путевки в жизнь подводным ракетоносцам 629 проекта. На фотографии третьей встречи подводников в Кронштадте в 1963 г., когда Маринеско вручают поросенка, он стоит в общем строю и смеется. Вряд ли в его выражении лица можно заподозрить уязвленное самолюбие, что в качестве «подводника № 1», достойного высшей награды Родины, чествуют не его, а Маринеско, оставившего о себе среди коллег весьма неоднозначную память.

Это только наиболее яркие примеры среди ближайшего круга боевых товарищей Александра Ивановича – балтийских подводников (список балтийских командиров-подводников, поразивших две и более цели, приведен в приложении № 6). Похожи ли были эти люди на серую массу приспособленцев? Нет. В сравнении с каждым из них наш герой смотрится не слишком выигрышно. Побед у них больше, а достигнуты они раньше, чем у Маринеско. В походах они действовали агрессивно, что называется на грани разумного риска, а Александр Иванович действовал так лишь единожды, когда на горизонте замаячила перспектива трибунала. Все эти командиры так или иначе были обижены властью, но никто из них не уходил в запой и не «мстил» своим начальникам халатным исполнением служебных обязанностей. Вероятно, так они поступали потому, что понимали, что пострадает от этого в первую очередь не начальство, а дело защиты Родины от ненавистного врага. Мало чем уступали им и те, кто командовал подлодками в 1944–1945 гг. и кого один питерский литератор назвал «сворой подхалимов» комдива Орла. Более-менее подробный рассказ обо всех них потребовал бы работы не меньшего объема, чем настоящая. Когда-то можно было встретить публикации в печатных СМИ и об этих заслуженных людях, но сейчас всех их покрыла тень от пьедестала «подводника № 1».

И если уж кто и претендовал на звание непокорного бунтаря, то во всяком случае не Маринеско. Он никогда, насколько это известно, не выступал на бригадных партсобраниях и служебных совещаниях с критикой командования и постановкой проблемных вопросов. Возможно, кто-то посчитает такие легальные формы протеста лишенными смысла в условиях «сталинского тоталитаризма», но это далеко не так. Вот лишь один конкретный пример: 27 марта 1942 г. командир 1-го ДПЛ Е. Г. Юнаков, командир С-7 С. П. Лисин, его комиссар В. С. Гусев и командир С-4 Д. С. Абросимов на служебном совещании в присутствии начальника Главпура ВМФ И. В. Рогова выступили с жалобой на командира плавбазы «Смольный» капитана 3-го ранга С. С. Веселова и его военкома батальонного комиссара А. Е. Лапова. Последнего подводники обвиняли в разворовывании и спекуляциях личными вещами погибших в 1941 г. подводников, хищении продуктов и дележе их с бывшим военкомом бригады Майоровым, а также в наплевательском отношении к нуждам личного состава. Политотдел БПЛ провел расследование, в ходе которого часть фактов подтвердилась, а другая осталась недоказанной. Но и этого хватило, чтобы 23 апреля снять Лапова с должности. Несколько позже – 6 августа – за пьянство был снят и командир плавбазы С. С. Веселов. Так что легаль-

ные формы оказались вполне действенными, вот только Маринеско предпочитал им свои. Но были ли они протестом, а не примитивным потаканием дурным наклонностям?

Таким образом, по всем позициям, за исключением никогда официально не признававшегося в качестве показателя суммарного потопленного тоннажа, Маринеско находился далеко не на первых местах. Не будем оспаривать того факта, что в годы войны некоторые командиры получали звание Героя и при меньшем числе подтвержденных успехов или даже и вовсе без наличия оных. С этой точки зрения вручение «Золотой Звезды» командиру с двумя крупными победами было вполне оправданным, если бы не одно, но огромное но. Герой – это символ для подражания со стороны всех, всегда и везде, а Маринеско не был и не хотел становиться таким символом. Он нарушал дисциплину сам, и ему по большому счету было все равно, чем занят и как ведет себя экипаж в промежутках между боевыми походами. Это был совсем не тот образ офицера, который стремилась пропагандировать не только советская, но вообще любая пропаганда всех без исключения армий мира. Поэтому высшей справедливостью, с нашей точки зрения, было все-таки звание Героя ему не присваивать, и командование бригады подлодок КБФ в 1945 г. сумело разобраться в этом сложном вопросе, приняв правильное решение.

Что ж, наши ветераны и современные военно-морские деятели сами вправе решать, нужно ли вообще выделять кого-то в качестве «подводника № 1», и если да, то кого именно выдвигать на это место. На кого равняться, чьим примером воспитывать молодежь. Впрочем, возможно, далеко не все знают, что на самом деле представлял собой тот герой, прославлению которого они посвятили столько лет своей жизни. Хотелось бы верить, что настоящий труд пополнит копилку исторических знаний и позволит взглянуть на вещи под таким ракурсом, которого они на самом деле заслуживают.

Глава 1
Документы 1913–1940 гг

Документ № 1.1
Послужная карта

1. ФИО – Маринеско Александр Иванович
2. Дата рождения – 15.01.1913 г.
3. Национальность – украинец
4. Знание языков – русский
5. Какой местности уроженец – Одесса УССР
6. Партийность:
член ВКП(б) с 11.8.44
канд. ВКП(б) с 12.10.42
член ВЛКСМ с 1932
7. Социальное положение и происхождение:
служащий из рабочих
8. Профессия (специальность) – пом. капитана
9. Семейное положение – женат
10. Гражданское образование (наименов. учебных заведений)
окончил школу-семилетку – 1926
окончил школу юнг – 1930
окончил Мортехникум – 1933
11. Военное образование:
а) в старой армии —
б) в Красной армии:
окончил СККС РККА им. ЦИК АТССР – 1934
окончил СККС ПП РККФ – 1938
12. Партийное образование —

13.

Присвоение воинских званий	Год	Номер приказа
Лейтенант	1936	№ 00239
Старший лейтенант с выслугой 2 года	1938	№ 499
Капитан-лейтенант	30.11.1940	№ 03585
Капитан 3 ранга	11.1942[1]	№ 02673 — НК ВМФ
Ст. лейтенант (снижен)	14.9.1945	№ 01979 — НК ВМФ
Пункт пр. НК ВМФ № 01979 от 14.9.1945 — отменен	26.11.1960	№ 600 — МО

[1] *В хранящемся в личном деле А. И. Маринеско листе званий и назначений дата приказа указана как 23.11.1942.*

14. Бытность в походах (где и против кого) —
15. Ранения или контузии —
16. Почетно-революционные награды:

Орден Ленина – пр. ККБФ № 57 от 3.9.1942
За выслугу: медаль «За боевые заслуги» 3.11.1944
Орден «Красного Знамени» пр. ККБФ № 138 от 21.11.1944
Орден «Красного Знамени» пр. ККБФ № 30 от 13.3.1945
17. Служба в Рабоче-крестьянской Красной армии и в запасе:
Вступил на службу в РККА – 5 октября 1933 г.

Наименование части	Наименование должности	Год	Месяц и число	Чей приказ	№
СККС ВМС РККА им. ЦИК АТССР	Слушатель с присв. кат. «А-6»[1] с 5 октября 1933 г.	1933	26.12	РВС СССР	1691
Окончил курсы с присвоением А-6 штурм. спец.	—	1934	16.11	НКО СССР	0561
Подлодка «Пикша» КБФ	Командир I-й БЧ	1934	11		
Уч. отряд подводн. плав. им. Кирова	Слушатель	1937	11	УОПП	413
Окончил СККС ПП РККФ		1938	11.11	НК ВМФ	01195

Наименование части	Наименование должности	Год	Месяц и число	Чей приказ	№
1 бригада ПЛ КБФ	И.Д. пом. к-ра ПЛ Л-1	1938	22.11	КБФ	0420
Подлодка М-96 КБФ	Командир	1939	22.5	НК ВМФ	01336
Подлодка С-13 КБФ	Командир	1943	14.4	НК ВМФ	0916
За халатное отношение к служебным обязанностям, систематическое пьянство и бытовую распущенность отстранен от занимаемой должности, снижен в в/звании до ст. лейтенанта и зачислен в распоряжение ВС КБФ		1945	14.9	НК ВМФ	01979
ТЩ Т-34 2 дивизиона тральщиков 1 краснознаменной бригады траления ТМОРа КБФ	Командир ТЩ	1945	18.10	КБФ	0708
Уволен в запас ВМФ по ст. 44 п. «а»[2]		1945	20.11	НК ВМФ	02521
Состоит на учете в Ждановском РВК г. Ленинграда		1957	27.2		
Пункты приказов: НК ВМФ № 01979 от 14.9.45 года, КБФ № 0708 от 18.10.45 г. и НК ВМФ № 02521 от 20.11.45 г. — отменены		1960	26.11	МО	600
Считать уволенным из кадров ВМФ в запас с 20 ноября 1945 года по статье 59 пункту «в» по сокращению штатов (состоит на учете в Ленинградском горвоенкомате)		1960	26.11	МО	600

[1] *Так в документе. Фактически специальность К-6 означала специальности вахтенного начальника, командир корабля (катера) 4-го ранга, дивизионного артиллериста, минера корабля 3-го ранга и т. д.*

[2]Статья 44 пункт «а» «Положения о прохождении службы командным и начальствующим составом Рабоче-Крестьянской Красной Армии» 1935 г. означала увольнение по личному желанию.

Приписка: умер в 1963 г. (в ноябре)[10], похоронен на Богословском кладбище г. Санкт-Петербурга.

18-30. (Пункты не заполнены. – *Сост.*)

31. Домашний адрес:

Горьковская обл., Муромский р-н, с. Булатниково[11]

Жена: Маринеско Нина Ильинична 1912 г. р.

Дочь: Леонора Александровна 1933 г. р.

ЦВМА. Послужная карта.

[10] Дата смерти – 25.11.1963 г.

[11] Место проживания семьи А. И. Маринеско в 1941–1944 гг.

Документ № 1.2
Автобиография Маринеско Александра Ивановича

Рождения 15 (2) января 1913 года в гор. Одессе.

Социальное положение служащий, происхождение из рабочих. Отец мой Маринеско Иван Алексеевич проживал в Румынии. С 7-ми лет остался сиротой, не имея родственников и до военной службы служил у помещиков на должностях: пастуха, кучера, а впоследствии машиниста на сельскохозяйственных машинах. В 1893 году был призван в Румынский военный флот, где во время шторма в море избил офицера и по приходе с моря был посажен временно в карцер, откуда и убежал через реку Дунай (примерно в 1893 году). С тех пор, т. е. 45 лет, отец живет в России и до 1924 года сохранял подданство румынское, а в 1924 году принял подданство СССР. До 1917 года отец работал на заводах и фабриках в гор. Одессе на должностях кочегара, слесаря и машиниста. В 1917 году ввиду тяжелого материального положения всей семьей выехали на родину матери в гор. Лохвица Полтавской губернии, где отец работал на торфяных разработках механиком и в отделе здравоохранения на должности механика до 1923 года (во время перехода власти в руки белых отец работал у частника (неразборчиво. – *Сост.*) – хозяина кино (неразборчиво. – *Сост.*) на должности машиниста). В белой армии отец не служил как иностранно (так в документе. – *Сост.*) подданный. В красную армию не был взят по болезни (плоскостопие (неразборчиво. – *Сост.*) и ревматизм), а служил в тылу, т. е. при дезинфекционной камере госпиталя. Родные матери крестьяне, отец ее частично ходил (так в документе. – *Сост.*) на заработки кузнецом. Мать моя Маринеско (Коваль) Татьяна Михайловна до замужества служила домработницей по найму в гор. Одессе, где и вышла замуж, после чего была домохозяйкой. В 1923 году переехали жить в гор. Одессу. С 1923 по 1929 год отец работал на сахарном заводе слесарем-механиком и на текстильном заводе старшим машинистом. С 1929 года с перерывом был на пенсии и с 1932 года окончательно по болезни и старости перешел на пенсию. Сестра моя Путна (неразборчиво. – *Сост.*) Валентина Ивановна живет при родных в гор. Одессе, до замужества закончила фабзауч и работала токарем, после замужества домохозяйкой. Муж моей сестры Путна (незаборчиво. – *Сост.*) Владимир плавает на судах советского торгового флота на должности электромеханика.

Родные моей жены живут в селе «Голая Пристань» Николаевской области. До революции и после занимались земледелием. В 1920 году отец жены Карюхин умер. Мать жены Карюхина Настасия Марковна до 1929 года батрачила и с 1929 года мать и сестра жены Анна Ильинична Карюхина работают в колхозе. Старшая сестра жены Евдокия Ильинична домохозяйка, муж ее Иван Иванович Фурсенко работает на «Голой Пристани» инструктором Осоавиахима. Брат жены Василий Ильич Карюхин живет в гор. Москве и работает шофером. Жена моя Маринеско (Карюхина[12]) Нина Ильинична до замужества работала на обувной фабрике в гор. Одессе по специальности штамповщицей, после замужества с ноября 1932 года домашней хозяйкой.

Я с 1920 года по 1926 год учился в трудовой школе в гор. Одессе и окончил 6-ть классов. В конце 1926 года поступил на суда советского торгового флота учеником-броневиком, в начале 1927 года был зачислен в школу юнг, которую окончил в 1930 году и получил звание матроса 1-го класса. За время учебы в школе юнг был в практическом плавании. В 1930 году два месяца плавал матросом на п/х «Ильич» и в том же году был командирован районным комитетом водников на учебу в Одесский морской техникум, окончил техникум в марте 1933

[12] В своей документальной повести «Капитан дальнего плавания» писатель А. А. Крон указывает девичью фамилию первой жены А. И. Маринеско как Карюкина.

года, получив звание штурмана дальнего плавания. За время трехлетней учебы в техникуме ежегодно в течение 6-ти месяцев в летнее время плавал на судах на практике: в 1930 году на учебном парусном судне «Товарищ» практикантом. В 1931 году на п/х «Ильич» – практикантом и в 1932 году на т/х «Варлаам Аванесов» на должности матроса 1-го класса. Плавая на п/х «Ильич», был в портах Ближнего Востока: Константинополе, Смирне, Пирее, Салониках, Яфе, Хайфе, Александрии, Порт-Саиде, а на т/х «Варлаам Аванесов» в портах Европы: Лондон, Гамбург, Корк и мелких других. После окончания Одесского морского техникума с мая месяца до октября служил на п/х «Красный Флот» на должностях IV–III и последних 3 месяца II помощником капитана. За время плавания на п/х «Красный Флот» (по Крымско-Кавказской линии) я получил благодарность от командующего Черноморским флотом за спасение во время шторма пограничного катера. За перевыполнение трансферплана («Красный Флот» получил переходной (так в документе. – *Сост.*) вымпел Черноморского бассейна) я был премирован Черноморским пароходством месячным окладом и костюмом. В ноябре 1933 года по мобилизации ЦК ВКП(б) был взят на военно-морскую службу и послан на учебу в гор. Ленинград на специальные курсы командного состава имени «ЦИК Татарской республики». В ноябре 1934 года окончил курсы, получив служебную категорию К-6, и был послан на первую бригаду подводных лодок Краснознаменного Балтийского флота на подлодку «Пикша» на должность командира боевой части I–IV. За время службы на п/л «Пикша» за успехи в боевой и политической подготовке был награжден 125 рублями. В ноябре 1937 года был командирован в Учебный отряд подводного плавания им. С. М. Кирова на командный отдел.

Проучившись до 16 июля 1938 года, был приказом Военного Совета Краснознаменного Балтийского флота демобилизован, но 7 августа 1938 года приказом Военного Совета КБФ как ошибочно демобилизованный восстановлен обратно на военно-морскую службу и послан для продолжения учебы.

Под следствием и судом не был как я, так и мои родственники. За границей был во время плавания на судах советского торгового флота. Родственников, а также и знакомых за границей нет.

Связи никакой с заграницей не имею и не имел.

В комсомол вступил в Одесском морском техникуме 1 апреля 1932 года. В оппозициях не состоял, в других партиях не участвовал.

Комсомольских взысканий не имел.

Родственники беспартийные.

15.11.1938 г.

лейтенант Маринеско

ЦВМА. Л. д. инв. № 20426. Л. 9-10 об.

Документ № 1.3
Приказ РВС СССР № 1691 от 26.12.1933 г

Определяются на службу в кадры РККА и зачисляются слушателями СККС ВМС РККА имени АТССР с присвоением служебной категории № 6 с 5 октября 1933 г.:

…

75. Маринеско Александр Иванович.

Заместитель Наркома по военным и морским делам и Председателя РВС СССР Я. Гамарник

РГВА Ф. 37837. Оп. 4. Д. 32. Л. 280.

Документ № 1.4
Приказ НКО СССР № 0561 от 16.11.1934 г

Окончившие 5 ноября 1934 г. СККС ВМС РККА удостаиваются звания специалиста и назначаются:

…

X. Специалиста штурманской специальности (штурмана):

…

7. Маринеско Александр Иванович – командиром штурманского сектора подводной лодки типа «Б» МСБМ (в экземпляре этого приказа, хранящегося в деле БПЛ МСБМ, сделана приписка карандашом «Пикша». – *Сост.*).

РГВА. Ф. 37837. Оп. 4. Д. 53. Л. 104.

Документ № 1.5
Приказ командира БПЛ МСБМ № 270 от 29.11.1934 г

Зачисляется в списки л/с бригады прибывший из Управления комплектования МСБМ Маринеско А. И. – с назначением на ПЛ «Пикша» командиром штурманского сектора.

Основание: предписание УК МСБМ № 7/6/2811-34 г.

РГА ВМФ. Ф. р-107. Оп. 1. Д. 198. Л. 134.

Документ № 1.6
Приказ РВС МСБМ № 0243 от 16.12.1934 г

Окончившие СККС ВМС РККА и прибывшие на Морские Силы Балтийского моря назначаются:

…

16. Маринеско Александр Иванович – командиром штурманского сектора подводной лодки «Пикша».

РГА ВМФ. Ф. р-92. Оп. 24. Д. 317. Л. 127 об.

Документ № 1.7
Вывод из аттестации на командира БЧ-1-4 ПЛ Щ-306 А. И. Маринеско за 1935 г.:

Недостаточно дисциплинирован. Упрям. Свою специальность знает хорошо. Любит ее и интересуется ею. Руководить БП личного состава может под постоянным руководством. Море любит. Политически подготовлен вполне удовлетворительно. Политико-моральное состояние здоровое. В общественной работе принимает слабое участие.

Выводы: обратить внимание на повышение дисциплинированности и требовательности к подчиненным.

командир подводной лодки Щ-306 Подгородецкий военком Зеленков

ЦВМА. Л. д. инв. № 20426. Л. 14.

Документ № 1.8
Вывод из аттестации командира БЧ-1-4 ПЛ Ш-306 лейтенанта А. И. Маринеско за 1937 г.:

Дисциплинированный, знающий свое дело командир. Пользовался авторитетом. Политически развит. Активного участия в общественной жизни не принимал. К подчиненным требователен.

Вывод: может быть послан в УОПП им. С. М. Кирова на учебу.

командир подводной лодки Щ-306 ст. лейтенант Косенко

военком ПЛ Щ-306 старший политрук (*в документе фамилия не указана. – Сост.*)

ЦВМА. Л. д. инв. № 20426. Л. 14.

Документ № 1.9
Приказ командира 1-й БПЛ КБФ № 79 от 9.12.1937 г

Исключаются из списков л/с 1-й БПЛ лейтенанты, убывшие на учебу в УОПП, на СККС и в ВМА: в УОПП:

…

3. Лейтенант Маринеско А. И. исключается из списков личного состава 1-й БПЛ как убывший на учебу в УОПП.

РГА ВМФ. Ф. р-107. Оп. 2. Д. 15. Л. 136.

Документ № 1.10
Приказ Военного Совета КБФ № 0253 от 14.07.1938 г

Слушатель СККС при Учебном отряде подводного плавания имени С. М. Кирова лейтенант Маринеско Александр Васильевич (так в документе. – *Сост.*) увольняется в запас РККФ по ст. 43 п. «б»[13] «Положения о прохождения военной службы командным и начальствующим составом РККА».

Командующий КБФ флагман 2-го ранга Левченко
Член Военного Совета КБФ дивизионный комиссар Муравьев
Начальник штаба КБФ капитан 1-го ранга Трибуц

РГА ВМФ. Ф. р-92. Оп. 24. Д. 403. Л. 430.

[13] Статья 43 пункт «б» означала увольнение в аттестационном порядке по служебному несоответствию.

Документ № 1.11
Приказ Военного Совета КБФ № 0282 от 2.08.1938 г

Приказ по КБФ от 14 июля 1938 г. за № 0253 об увольнении в запас слушателя СККС УОПП имени С. М. Кирова лейтенанта Маринеско Александра Васильевича (так в документе. – *Сост.*) отменяется.

Командующий КБФ флагман 2-го ранга Левченко
Член Военного Совета КБФ дивизионный комиссар Муравьев
Начальник штаба КБФ капитан 1-го ранга Трибуц

РГА ВМФ. Ф. р-92. Оп. 24. Д. 403. Л. 482.

Документ № 1.12
Приказ НК ВМФ СССР № 01195 от 11.11.1938 г

Окончившие в ноябре 1938 г. СККС при УОПП имени С. М. Кирова назначаются:
В распоряжение Военного Совета КБФ:

…

11. Старший лейтенант Маринеско Александр Иванович

РГА ВМФ. Ф. р-1678. Оп. 1. Д. 16. Л. 56.

Документ № 1.13
Приказ Военного Совета КБФ № 0420 от 22.11.1938 г

…

7. Лейтенант (так в документе. – *Сост.*) Маринеско Александр Иванович – помощником командира подводной лодки Л-1 1-й Бригады подводных лодок.

Командующий КБФ флагман 2-го ранга Левченко

Член Военного Совета КБФ дивизионный комиссар Муравьев

Начальник штаба КБФ капитан 1-го ранга Трибуц

РГА ВМФ. Р-107. Оп. 2. Д. 20. Л. 364.

Документ № 1.14
Приказ командира в/ч 7579 [14] КБФ № 054 от 20.05.1939 г

Зачисляется в списки личного состава бригады старший лейтенант Маринеско Александр Иванович, прибывший из в/ч 7416 на должность командира подводной лодки М-96.

Командир в/ч 7579 капитан 1-го ранга Васильев

Военком в/ч 7579 бригадный комиссар Елсуков

РГА ВМФ. Р-17. Оп. 2. Д. 121. Л. 59.

[14] Указанные обозначения носили: в/ч 7579-3-я БПЛ КБФ, в/ч 7416 – ПЛ Л-1.

Документ № 1.15
Приказ НК ВМФ СССР № 01336 от 22.05.1939 г

Помощник командира подводной лодки Л-1 1-й БПЛ КБФ старший лейтенант Маринеско Александр Иванович назначается командиром подводной лодки М-96 того же флота.

Народный Комиссар ВМФ СССР флагман флота 2-го ранга Кузнецов

РГА ВМФ. Ф. р-1678. Оп.1. Д. 78. Л. 484.

Документ № 1.16
Аттестация за период 29 мая по 1 декабря 1939 г. на командира ПЛ М-96 26-го ДПЛ 3-й БПЛ старшего лейтенанта Маринеско Александра Ивановича

1. год рождения – 1913
2. национальность – украинец (отец румын)
3. партийность – член ВЛКСМ
4. соц. положение – служащий
5. общее и военное образование – семилетка, морской техникум, СККС ПП РККФ при УОПП
6. знание иностранных языков – не владеет
7. с какого времени в РККФ – с декабря 1933 г.
8. с какого времени на должностях начсостава – 1934/XI
в занимаемой должности – 1939/V
9. участие в Гражданской войне – не участвовал
10. награды – не имеет
11. служба в белых и буржуазно-националистических армиях и антисоветских бандах – не служил.

Выводы по последней аттестации за 1938 г.: Дисциплинированный и выдержанный командир. Морские качества хорошие. Подводное дело любит. Хорошо знает штурманское дело. В общественно-политической жизни участвует.

Текст аттестации:

Дисциплинированный, к подчиненным требователен. К себе требователен недостаточно. Решительный, малоинициативен. Умеет организационно обеспечить свои решения и настойчиво проводить их в жизнь. Хорошо знает штурманское дело. Личная тактическая и специальная подготовка вполне удовлетворительна. Умеет хорошо передавать свои знания подчиненным. Связь с массами и комсомольской организацией имеется. Правильно нацеливает актив на выполнение поставленных задач. О подчиненных заботлив, но иногда бывает груб в обращении с подчиненными. В общественной работе участие принимает слабое. Авторитетом среди личного состава пользуется. Систематически работает над повышением своих знаний. Общее и политическое развитие вполне удовлетворительное. Морально устойчив. Социалистической Родине и партии Ленина-Сталина предан. Состояние здоровья хорошее. Хороший моряк, любит море, не укачивается. Личный состав сплочен удовлетворительно. Корабль вступил в состав Военно-Морского Флота в октябре 1939 г. Боевая и политическая подготовка личного состава удовлетворительная. Морская и физическая подготовка слабая, так как недостаточно уделяет внимание этим видам подготовки. Учет и хранение секретных и мобилизационных документов в хорошем состоянии. Состояние оружия, боевой техники и имущества удовлетворительное. Корабль и личный состав находятся в мобилизационной готовности. За время плавания аварий и катастроф не было.

Выводы:

1. По деловым и политическим качествам должности командира подводной лодки типа М соответствует.

2. Достоин присвоения военного (так в документе. – *Сост.*) звания в очередном порядке капитан-лейтенанта в 1940 г.

3. В военное время целесообразно использовать командиром ПЛ типа М.

командир 26-го ДПЛ капитан-лейтенант Юнаков
военком 26-го ДПЛ батальонный комиссар Дымский

ЦВМА. Л. д. инв. № 20426. Л. 17–17 об.

Документ № 1.17
Выписка из приказа командира 3-й БПЛ КБФ № 011 от 28.01.1940 г

За хорошую организацию швартовки и умелое ее выполнение командиру 26-го ДПЛ капитан-лейтенанту Юнакову, батальонному комиссару Дымскому и командирам подводных лодок старшему лейтенанту Сидоренко, старшему лейтенанту Ермилову, старшему лейтенанту Нечаеву, старшему лейтенанту Маринеско, старшему лейтенанту Мыльникову объявляю благодарность[15].

Командир 3-й БПЛ капитан 2-го ранга Виноградов
Военком 3-й БПЛ бригадный комиссар Елсуков
НШ 3-й БПЛ капитан-лейтенант Батырев

РГА ВМФ. Ф. р-107. Оп. 3. Д. 78. Л. 12.

[15] В преамбуле приказа говорится, что подводные лодки 27.01.1940 г. возвращались в гавань Палдиски при ветре Ost 4–5 баллов. При этом командиры лодок 26-го дивизиона действовали осторожно, поэтому все ошвартовались у стенки удовлетворительно. Подводные лодки М-80, М-77 и М-74 маневр швартовки выполнили плохо. Старший лейтенант Тарасов (М-80) и лейтенант Чемоданов (М-77) швартовались на полных ходах и т. д.

Документ № 1.18
Приказ командира 3-й БПЛ КБФ № 017 от 8.02.1940 г. «О возникновении пожара в каюте № 45»

4 февраля, в 9 ч. 40 мин., в каюте № 45, где живет командир ПЛ М-97 старший лейтенант Мыльников, возник пожар. Виновники пожара: командир ПЛ М-96 ст. лейтенант Маринеско – бросил непогашенный окурок в угол каюты № 45, засоренный бумагой, затоптал его и вместе с хозяином каюты ст. лейтенантом Мыльниковым вышел; командир ПЛ М-97 ст. лейтенант Мыльников превратил свою каюту в свалку мусора и на своих глазах позволил культурному человеку – командиру лодки – бросать окурки в угол и затаптывать.

Пожар возник из-за халатного отношения обоих командиров к соблюдению правил противопожарной безопасности и быстро ликвидирован только потому, что случайно оказавшиеся рядом ст. политрук Круговой и командиры ПЛ ПЛ тт. Тарасов и Чемоданов приняли своевременные меры. Опасность повторения пожара не исключена, так как каюты большинства командиров, особенно ст. лейтенанта Тарасова, ст. лейтенанта Зыбайло и лейтенанта Фролова, воентехников 1-го ранга Шиляева и Исаева, исключительно грязные, по каютам разбросаны кучи окурков, бумаги, под койками устроены целые склады.

Такое безобразное антисанитарное и даже опасное в пожарном отношении состояние кают можно объяснить только тем, что указанные тт. потеряли навыки культурного отношения к жилым помещениям. Этим можно объяснить и грязь в кубриках, ибо невозможно [требовать] с краснофлотцев чистоты, когда сами по ворот в грязи. Все оправдания, что вестовые мало убирают каюты, неосновательны, так как окурки всегда можно вынести самому командиру и от этого достоинство и авторитет командира не уменьшится, а вот жить и спать в кучах мусора – этим действительно можно свой авторитет подорвать.

Командиру М-96 ст. лейтенанту т. Маринеско и командиру ПЛ М-97 ст. лейтенанту т. Мыльникову, за несоблюдение санитарных и противопожарных норм на корабле, объявляю выговор.

Командир 3-й БПЛ капитан 2-го ранга Виноградов
Военком 3-й БПЛ бригадный комиссар Елсуков
НШ 3-й БПЛ капитан-лейтенант Батырев

РГА ВМФ. Ф. р-107. Оп. 3. Д. 78. Л. 19.

Документ № 1.19
Протокол заседания Партийной комиссии 3-й БПЛ КБФ № 66 от 22.03.1940 г

«УТВЕРЖДАЮ»

Начальник Политотдела 3-й БПЛ полковой комиссар Бурдаков

Присутствовали члены ПК: Кравченко, Рамазанов, Колпакчиев, секретарь партбюро 26-го дивизиона ПЛ тов. Мрыкин.

Повестка дня: 1. Прием в кандидаты ВКП(б) тт. Маринеско, Калугина.

Слушали:

1. Прием в кандидаты ВКП(б) т. Маринеско Александра Ивановича.

Тов. Маринеско А. И. рождения 1913 г. Национальность русский по матери (так в документе. В других документах национальность по матери – украинец. – *Сост.*), отец румын, в 1891 г. принял русское подданство. Образование высшее. Социальное положение из рабочих служащий. Членом ВЛКСМ состоит с 1932 г. по настоящее время. В РК ВМФ с 1933 г. Раньше в ВКП(б) не состоял, под судом не был, к союзной ответственности не привлекался. В 1938 г. из рядов РК ВМФ был демобилизован по мотивам национальности, через 15 дней восстановлен с зачислением на ускоренные курсы командного состава при УОПП.

В момент приема в кандидаты ВКП(б) занимаемая должность командир подлодки М-96, военное звание – старший лейтенант.

14 марта 1940 г. решением п/парторганизации 26-го ДПЛ тов. Маринеско Александр Иванович принят кандидатом в члены ВКП(б). 15.03.1940 г. дело о приеме его в кандидаты ВКП(б) было передано на утверждение в П. К.

На заседании Парткомиссии присутствует т. Маринеско. Документацию и данные докладывает секретарь партбюро 26-го ДПЛ т. Мрыкин.

Рекомендуют тов. Маринеско.

1. Калинин Виктор Петрович член ВКП(б) с 1931 г., п/б № 0479063 командир ПЛ «М-74» 23-го ДПЛ[16].

2. Жуков Илья Никитович член ВКП(б) с 1932 г., п/б № 1897474 слушатель Курсов усовершенств[ования] п[олитического] с[остава][17].

3. Первичная КСМ организация 26-го ДПЛ, протокол № 12 от 4 декабря 1939 г.

Рекомендующие члены ВКП(б) и по комсомольской организации знают тов. Маринеско по совместной службе не менее одного года, в рекомендациях дают положительный отзыв как о растущем командире, заслуживающего быть (так в документе. – *Сост.*) в рядах коммунистической партии.

Командование дает положительный отзыв о работе тов. Маринеско. Однако отмечает не совсем достаточную его работу с личным составом вверенного ему подразделения, выражающуюся в том, что он недооценивает значения повседневной связи с бойцами, редко бывает в кубрике, что приводит к незнанию запросов и нужд своих бойцов.

Неясных вопросов из автобиографических данных у т. Маринеско и о его родных нет. Отец работает на сахарном заводе в г. Одессе. По линии родственников арестованных, осужденных, репрессированных нет.

Вопросы тов. Маринеско:

---

[16] Рекомендация дана ст. лейтенантом В. П. Каланиным, исполняющим должность командира ПЛ М-73 3-й БПЛ КБФ.

[17] Жуков И. Н. – бывший младший командир сверхсрочной службы Щ-307, в 1937 г. допущен к исполнению должности инструктора по комсомольской работе 3-й БПЛ, затем занимал должность помощника начальника политотдела 3-й БПЛ по комсомольской работе.

Кравченко: В каком году отец принял русское подданство и при каких обстоятельствах?

Маринеско: Отец в возрасте 21 г. служил в военном румынском флоте, в силу тяжести службы избил унтер-офицера, за что был предан суду. До суда сидел в карцере, с последнего сбежал, перебрался в Россию, где, примерно, 42 г. спустя принял русское подданство. Из его родственников в России никого не было и нет сейчас.

Колпакчиев: Вы об этом факте при приеме Вас в кандидаты ВКП(б) в первичной парторганизации заявили?

Маринеско: Нет, не заявил. Я об этом упустил сказать, во всех моих личных делах последнее значится.

Колпакчиев: За что в 1938 г. Вы были демобилизованы из рядов РК ВМФ?

Маринеско: Точно не знаю, очевидно, по нац. происхождению.

Кравченко: «Краткий курс истории ВКП(б)» изучаете?

Маринеско: Изучаю 3-ю главу по первоисточникам.

Кравченко: Какое значение апрельских тезисов В. И. Ленина в развитии революционного движения?

Маринеско: Я их читал, но сейчас ответить не смогу, забыл, помню, что это было в 1917 г., когда В. И. Ленин вернулся в Россию.

Кравченко: Против кого обрушился В. И. Ленин в своей книге «Что такое друзья народа и как они воюют против с[оциал]/д[емократов]»?

Маринеско: Ответить не смог.

На ряд заданных вопросов из устава ВКП(б) и текущей политики т. Маринеско ответил удовлетворительно.

Поступило предложение: принять тов. Маринеско в кандидаты ВКП(б). Указать ему на необходимость:

1. Систематически работать над собой в политическом росте.

2. Обратить внимание на недостаточную общительность с личным составом, как командира подлодки и старшего товарища.

Постановили:

Члена ВЛКСМ т. Маринеско Александра Ивановича принять кандидатом в члены ВКП(б) со стажем с 14 марта 1940 г. Социальное положение считать – служащий.

Ответственный секретарь Парткомиссии 3 БПЛ КБФ политрук Колпакчиев

Члены ПК: Рамазанов[18], *Кравченко*[19]

РГА ВМФ. Ф. р-107. Оп. 8. Д. 86. Л.76–78.

[18] Военинженер 3-го ранга И. Р. Рамазанов исполнял должность дивизионного механика 26-го ДПЛ.

[19] Военинженер 2-го ранга В. С. Кравченко исполнял должность флагманского механика 3-й БПЛ.

Документ № 1.20
Учет плавания с 1 января по 1 августа 1940 г

	Количество дней			Количество миль		Количество часов		Астр. задач решено
	на ходу	на якоре	в гавани	над водой	под водой	над водой	под водой	
М-90	28	1	184	1405,3	70,5	303,3	28-00	—
М-94	34	1	178	1685,1	131,7	227,48	52-28	11

	Количество дней			Количество миль		Количество часов		Астр. задач решено
	на ходу	на якоре	в гавани	над водой	под водой	над водой	под водой	
М-95	21	1	191	1208,0	51,5	165,29	20-07	10
М-96	32	1	180	2546,7	74,2	335,0	38-37	—
М-97	41	1	171	2514,4	41,0	305,28	21-10	12

10.08.1940 г.
Врид флагманского штурмана 3 БПЛ ст. лейтенант Миневич

РГА ВМФ. Ф. р-107. Оп. 3. Д. 77. Л. 302.

Документ № 1.21
Выписка из отчета по боевой подготовке БЧ-1 3-й БПЛ КБФ за 1-й период учебно-боевой подготовки (1.01-1.05.1940 г.)

Командирами подводных лодок отработаны и сданы следующие темы с оценкой:

Фамилия	ПСП[1]	ППСС[2]	Театр[3]	Противник	Общий балл[4]
Юнаков Е.Г.	5	4	4	4	4,1
Ермилов В.А.	3	4	4	4	3,7
Нечаев Н.П.	4	4	3	3	3,5
Маринеско А.И.	3	4	4	3	3,5
Сидоренко П.А.	3	4	4	3	3,5
Мыльников А.И.	4	4	4	5	4,1

[1]ПСП – правила совместного плавания.

[2]ППСС – правила предупреждения столкновения судов в море.

[3]Театр – в декабре 1939 г. перед командирами лодок на 1-й период учебно-боевой подготовки (с 01.01 по 01.05.40 г.) ставилась задача: «Изучение театра Ф. З. и Б. М. (шхерные районы и порты Финляндии, подходы и оборудование западных портов Эстонии и Латвии)».

[4]В документе определены лучшие командиры подводных лодок – старшие лейтенанты Кулыгин Н. Н. (М-72, 4,2 балла) и Мыльников А. И. (М-97, 4,1 балла). Худшие знания показали Афонин В. Д. и Чемоданов А. Е. – по 3,1 балла, Жаворонков ГА. – 3,4 балла.

Флагманский штурман 3-й БПЛ капитан-лейтенант Мишарин И. Г.

РГА ВМФ. Ф. р-107. Оп. 3. Д. 77. Л. 271.

Документ № 1.22
Выписка из «Сведений по авариям, поломкам и происшествиям на 3-й Бригаде подводных лодок КБФ за май, июнь, июль и август месяц 1940 г.»

…

М-96. 24.06.40. По окончании работы компрессора остановлен э/м, но маховик пускорег[улирующий] реос[тат] был оставлен на пусковом контакте и не вык[лючено] пит[ание] к мот[ору]. Вследствие чего очень сильно нагрелось пуск[овое] сопрот[ивление] и в отсеке появился дым, на п/л в это время была одна вахта служба, которая быстро устранила от возможного возгорания вблизи лежащих предметов[20]. Пускорегулирующий реостат разобран, и обнаружено выгорание изоляции.

Изоляцию заменили и перемотали сопротивление. Работу выполнял «Серп и Молот».

Причины: нарушение инструкции обслуживания э/мотора компрессора.

Виновники: трюмный, командир БЧ-5.

Принятые меры: командир БЧ-5 воентехник 1-го ранга Трунин получил взыскание. К/о трюмных и ст. спец трюмных получили взыскания.

9.09.1940 г.

Врид флагманского инженера-механика 3-й БПЛ военинженер 3 ранга Васильев

РГА ВМФ. Ф. р-107. Оп. 3. Д. 80. Л. 191.

[20] Из «Отчета по боевой подготовке подводных лодок КБФ за 1940 г.» (РГА ВМФ. Ф. р-92. Оп. 4. Д. 133. Л. 38) известно, что в результате пожара на М-96 сгорели резиновый комбинезон и прибор Э-4.

Документ № 1.23
Выписка из «Отчета по БЧ-5 26 ДПЛ за период с 1.05.40 по 1.09.40 г.»

На ПЛ М-96 сожгли пусковой реостат трюмной помпы. Сменена одна крышка дизеля из-за пропуска воды в цилиндр… Из всех вышеизложенных случаев реостат был сожжен по вине л/состава.

Примечание: ПЛ М-96 вторую кампанию плавает с обеспечивающим командиром БЧ-5. Командир БЧ-5 в эту кампанию обеспечивается дивизионным инженер-механиком или пом флагмеха. Командир БЧ-5 М-96 военехник 1-го ранга т. Трунин за 6 м-цев еще не сдал зачета по устройству ПЛ, в море укачивается во время качки, совершенно не может стоять. Необходимо принять срочные меры к замене военехника 1-го ранга Трунина.

Врид флагманского инженер-механика 3-й БПЛ военинженер 3 ранга Васильев

РГА ВМФ. Ф. р-107. Оп. 3. Д. 77. Л. 348.

Документ № 1.24
Рапорт командиру 26-го дивизиона ПЛ КБФ

Доношу, что проводить нормальную боевую подготовку личного состава и в целом п/л не могу, ибо командир БЧ-5 воентехник первого ранга Трунин не соответствует занимаемой должности:

1. Даже в тихую погоду в море не может обеспечить нормальную работу механизмов, живучесть подлодки и прохождение боевой подготовки БЧ-5, ибо страдает морской болезнью и, несмотря на непродолжительное пребывание в море, ничего не ест, не говоря уже о свежей погоде, когда лежит пластом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.